Академия наук СССР
Институт научной информации
и фундаментальная библиотека
по общественным наукам

Бычков А
780
70

Ссылка Сперанскаго въ 1812 году [1]).

(Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова).

1. Нѣсколько словъ о послѣдней аудіенціи Сперанскаго у императора Александра 17 марта 1812 года.

Въ числѣ тѣхъ умолчаній, за которыя особенно гнѣвалась на насъ періодическая наша пресса,—читаемъ мы въ дополнительныхъ замѣткахъ барона М. А. Корфа къ «Жизни графа Сперанскаго»—указано было ею и сокрытіе подробностей послѣдняго свиданія Сперанскаго съ императоромъ Александромъ (17 марта 1812 года). «Если дошедшія до автора сказанія объ этихъ подробностяхъ разнствуютъ и даже противорѣчатъ между собою,—говорилось въ журналахъ—то отчего же онъ не передалъ публикѣ хоть эти противоположные разсказы съ нужнымъ ихъ опроверженіемъ или разъясненіемъ, какъ сдѣлалъ то въ разныхъ другихъ случаяхъ, и отчего же именно только въ этомъ одномъ, важнѣйшемъ, онъ оставляетъ любопытство читателей неудовлетвореннымъ?».

Оттого—повторяемъ мы сказанное уже нами на 16-й страницѣ II-го тома «Жизни графа Сперанскаго»,—что никто не былъ свидѣтелемъ этой аудіенціи, а Сперанскій, если когда-нибудь и отвѣчалъ на вопросы о ней, то или отыгрывался отъ назойливаго любопытства общими фразами, или, можетъ быть, разсказывалъ дѣло такъ, какъ ему предста-

[1]) Дополнительные матеріалы къ „Жизни графа Сперанскаго" барона М. А. Корфа.

влялось соотвѣтственнѣйшимъ въ отношеніи личности слушателей, послѣдніе же, при передачѣ слышаннаго ими другимъ, могли опять расцвѣчивать этотъ разсказъ прикрасами собственной фантазіи; оттого, скажемъ далѣе, что дошедшія до насъ преданія сложились, большею частью, по наслышкѣ, или даже по догадкамъ; оттого, наконецъ, что вездѣ въ нашей книгѣ, гдѣ намъ казалось **невозможнымъ** высказать **полную** истину, мы предпочитали совсѣмъ молчать ....

Но въ настоящихъ листахъ, мы постараемся собрать въ одной общей картинѣ то, что было намъ передано съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ направленіяхъ, отнюдь только не принимая на себя отвѣтственность передъ исторіею за достовѣрность этихъ матеріаловъ. Важнѣйшая ихъ часть основана на сообщеніяхъ престарѣлаго Ѳедора Петровича Лубяновскаго, которому будто бы пересказывалъ все это самъ Сперанскій въ длинныхъ и откровенныхъ пензенскихъ бесѣдахъ ихъ въ 1821 году (т. II, стр. 256). Но показанія его дополнены и разными другими. Нѣкоторыя изъ замѣченныхъ нами противорѣчій и несообразностей сами собою выйдутъ здѣсь наружу посредствомъ сличенія съ другими частями нашей работы.

Съ января 1812 года Александръ, развлеченный военными приготовленіями, почти совсѣмъ пересталъ ѣздить въ Государственный Совѣтъ [1]), и съ тѣмъ вмѣстѣ прекратились и постоянные доклады государственнаго секретаря. Когда ему нужно было о чемъ доложить, онъ посылалъ записку, и государь отвѣчалъ ему назначеніемъ дня и часа или отмѣткою на той же запискѣ, или послѣ, черезъ нарочнаго фельдъегеря. Въ февралѣ понадобился такой докладъ, и Сперанскій послалъ свою обычную записку. Но на нее не было отвѣта недѣлю, двѣ, три. При особенныхъ въ это время занятіяхъ государя и при замѣчаемомъ въ немъ уже давно охлажденіи къ гражданскимъ дѣламъ, Сперанскій ничего не подозрѣвалъ, и думая только, нѣтъ ли въ такомъ долговременномъ молчаніи какого недоразумѣнія, справлялся по-часту во дворцѣ, не отдано ли по его запискѣ изустнаго приказанія, на что, однако, никто не умѣлъ отвѣтить. (Здѣсь уже тотчасъ и неправда, обличаемая подлинными актами Государственнаго Совѣта. Сперанскій имѣлъ личный докладъ еще 12 марта и на двадцати шести поднесенныхъ въ тотъ день мнѣніяхъ Совѣта своеручно отмѣтилъ мѣсто и число высочайшей конфирмаціи. Бумаги эти хранятся и теперь въ архивѣ Совѣта). Наконецъ 17 марта, въ воскресенье, когда онъ спокойно обѣдалъ у своей пріятельницы г-жи Вейкардтъ, пріѣхалъ фельдъегерь съ повелѣніемъ

---

[1]) Свидѣтельства Ѳ. П. Лубяновскаго и А. Н. Оленина..

ему явиться къ государю вечеромъ, въ 8 часовъ. Сперанскій тутъ же переодѣлся, по тогдашнему обычаю, въ мундиръ съ чулками и башмаками и отправился въ Зимній дворецъ въ указанное время [1]).

Между тѣмъ, при свиданіи въ этотъ же день утромъ съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ [2]), государь сказалъ ему, что по-вечеру назначилъ быть къ себѣ кому-то изъ военныхъ съ работою, но послѣ будетъ свободенъ и желаетъ «поболтать» съ нимъ, Голицынымъ; почему онъ и можетъ ѣхать, по своей обыкновенной привычкѣ, на avant-soirée къ Гурьевой (женѣ министра финансовъ), а оттуда уже явиться во дворецъ. Слѣдуя этому, Голицынъ пріѣхалъ около 8 часовъ; но, противъ своего чаянія, нашелъ въ секретарской нѣсколько высшихъ сановниковъ, изъ которыхъ одни ждали съ бумагами, а другіе изустныхъ приказаній; въ кабинетѣ же съ государемъ находился, по словамъ камердинера, совсѣмъ не военный, а Сперанскій. Такъ пробило и 9 часовъ, и 10. Государь уже давно выслалъ сказать ожидавшимъ, что сегодня не имѣетъ времени ихъ принять, и всѣ удалились; но Голицынъ, слышавшій о существованіи интриги противъ Сперанскаго, знавшій, что онъ уже давно (?) не былъ допущенъ передъ государя, знавшій, можетъ статься, и болѣе, рѣшился дождаться того, что будетъ далѣе. Съ нимъ въ секретарской оставался только дежурный генералъ-адъютантъ Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Наконецъ въ 11-мъ часу Голицынъ, сидѣвшій въ креслѣ у топившагося камина, услышавъ движеніе замочной ручки, поспѣшно вскочилъ и выступилъ на середину комнаты, чтобы встрѣтиться лицомъ къ лицу съ выходившимъ изъ кабинета.

Здѣсь, въ описаніи послѣдовавшей затѣмъ сцены, появляется то разногласіе въ разсказѣ обоихъ единственныхъ очевидцевъ, о которомъ упомянуто у насъ въ «Жизни графа Сперанскаго» на страницѣ 15-й II-го тома. Что касается министра юстиціи И. И. Дмитріева, то, быть можетъ, онъ находился въ числѣ тѣхъ «высшихъ сановниковъ», про которыхъ Голицынъ разсказывалъ, что они сперва дожидались государя, а потомъ удалились.

Но, повторимъ опять, въ чемъ же состояли тайны этого длиннаго свиданія, которое такъ разстроило и Александра, и его любимца?

Сперанскій [3]) привезъ съ собою кипу бумагъ, накопившихся въ долгій промежутокъ (?) за то время, что онъ не имѣлъ личнаго доклада. Въ числѣ ихъ было и нѣсколько представленій къ наградамъ. Государь встрѣтилъ его, по обыкновенію, милостиво, извинился, что такъ давно

---

[1]) Разсказъ г-жи Вейкардтъ и г-жи Поггенполь.

[2]) Разсказъ князя А. Н. Голицына.

[3]) Ѳ. П. Лубяновскій по разсказу будто бы Сперанскаго.

не могъ принять его за множествомъ работы по военной части, утвердилъ всѣ его представленія и вообще не далъ замѣтить ничего, кромѣ всегдашняго своего благорасположенія. Когда докладъ, занявшій, по большому числу дѣлъ, очень много времени, окончился, Сперанскій, собравъ свои бумаги, хотѣлъ идти, и ожидалъ только обычнаго поклона, съ которымъ отпускалъ его государь. Но такого не было. Вставъ и пройдясь нѣсколько шаговъ по комнатѣ, Александръ вдругъ перемѣнилъ и видъ, и осанку, и началъ самымъ суровымъ голосомъ, съ перемѣною всегдашняго ты на холодное вы: «Намъ надо объясниться, Михайло Михайловичъ: я уже давно замѣчаю, что вы идете противъ меня, а теперь вполнѣ въ томъ убѣдился». Остолбенѣвшій Сперанскій хотѣлъ что-то вымолвить, но государь не допустилъ до того и вообще, продолжая рѣчь съ чрезвычайною живостью и свойственнымъ ему многословіемъ, не далъ своему слушателю выговорить, и послѣ, почти ни слова. Въ самыхъ раздраженныхъ выраженіяхъ, въ тонѣ грознаго судьи передъ обличеннымъ преступникомъ, съ такими подробностями, которыя едва ли могъ бы уловить и стенографъ и которыя тѣмъ менѣе могутъ найти себѣ мѣсто въ настоящемъ разсказѣ со словъ взволнованнаго Сперанскаго, Александръ сталъ обвинять его главнѣйше въ томъ [1]): 1) что, стоя у кормила правленія, онъ, при всѣхъ случаяхъ, худо о немъ отзывается и даже въ секретарской комнатѣ не разъ громко говорилъ о предстоящемъ будто бы паденіи имперіи; 2) что онъ стремился разстроить ее финансовыми своими мѣрами и посредствомъ усиленныхъ налоговъ возбудить ненависть противъ правительства; 3) что онъ жертвуетъ благомъ государства изъ привязанности своей къ французской системѣ; 4) что, не довольствуясь общимъ преобразованіемъ всего государственнаго строя, въ которое вовлекалъ государя своими софизмами, онъ замышлялъ уничтожить даже и послѣднее звено, соединявшее Россію Александровскую съ Петровскою—черезъ ломку Сената; 5) что, несмотря на ввѣренный уже ему обширный кругъ дѣлъ, онъ старался еще болѣе его расширить и покушался проникнуть въ дипломатическія тайны, употребляя для того во зло вліяніе свое на нѣкоторыхъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ; 6) что онъ готовъ былъ, чтобы только не встрѣчать никакихъ болѣе препонъ своимъ замысламъ и своему властолюбію, пожертвовать даже личными своими чувствами и соединиться съ прежними извѣстными своими врагами Армфельдомъ и Балашовымъ.

— Я знаю [2]) — продолжалъ государь — что вы предлагали имъ составить вмѣстѣ съ вами какой-то тріумвиратъ, черезъ который проходили бы всѣ государственныя дѣла, а я, стало-быть, представлялъ бы у васъ уже только роль пѣшки!

[1]) Тотъ же Лубяновскій и пермское письмо Сперанскаго.

[2]) Записка полковника А. В Воейкова.

Здѣсь Сперанскій не могъ болѣе воздержаться, хотя Александръ и старался было сначала его перекричать.

— Помилуйте, государь,—воскликнулъ онъ — это гнуснѣйшая клевета, подлый вымыселъ, который долженъ пасть всею своею силою на самихъ моихъ враговъ. Нѣсколько дней тому назадъ Армфельдъ, точно, пріѣзжалъ ко мнѣ и, точно, было предложеніе, только не отъ меня ему, а отъ него мнѣ, все вносимое къ вашему величеству имъ и Балашовымъ передавать сперва, частно, мнѣ и обращать по принадлежности тогда уже, когда я одобрю или укажу, что̀ исправить, такимъ образомъ, чтобы все достигало до васъ не иначе, какъ черезъ наши руки. Я долженъ быть вполнѣ искреннимъ: «Упаси Боже—отвѣчалъ я этимъ господамъ:—вы не знаете государя; онъ увидитъ тутъ прикосновеніе къ своимъ правамъ, и намъ всѣмъ можетъ быть худо». Такъ предложеніе ихъ было мною отклонено, и я обѣщалъ только Армфельду не сказывать о немъ вашему величеству, а теперь они же воспользовались моимъ довѣрчивымъ молчаніемъ, чтобы меня очернить.

— Если и такъ—перебилъ снова государь,—то вы все равно виноваты: я слышалъ обо всемъ этомъ уже три дня тому назадъ, слышалъ и нарочно молчалъ, въ надеждѣ, что вы мнѣ скажете, но теперь, наконецъ, принужденъ былъ самъ начать. У меня не было отъ васъ ни одной сокровенной мысли, а вы хитрили со мною и не показали взаимной довѣренности. Впрочемъ стараніе ваше сойтись съ Балашовымъ для скрытыхъ отъ меня цѣлей я вижу и изъ другаго. «Чья это рука? [1]) — спросилъ онъ вдругъ, вынувъ изъ кармана и держа передъ глазами Сперанскаго своеручную записку послѣдняго—Чья это рука?».

Что же было въ этой запискѣ [2])? Родственникъ и клеврет Балашова Бологовской, обѣдавъ, за нѣсколько времени передъ тѣмъ гдѣ-то съ Магницкимъ, въ шумѣ винныхъ паровъ спросилъ у него:

— Зачѣмъ вашъ Михайло Михайловичъ дѣлаетъ такія глупости?

— Какія глупости?

— Зачѣмъ онъ въ распрѣ съ Балашовымъ? Оба люди добрые и умные, а между тѣмъ не только не говорятъ, даже и не кланяются другъ съ другомъ, тогда какъ вмѣстѣ могли бы дѣйствовать гораздо успѣшнѣе. Отчего бы имъ не помириться, когда нѣтъ и настоящей причины къ ссорѣ?

Слово за словомъ, Магницкій взялся переговорить объ этомъ съ Сперанскимъ, а Бологовской съ Балашовымъ и, черезъ ихъ посредство, оба непріятеля изъявили согласіе на примиреніе: одинъ съ незлобивымъ своимъ добродушіемъ, другой съ тѣми же коварными намѣреніями,

---

[1]) Лубяновскій, по разсказу Сперанскаго.

[2]) См. «Русскую Старину» 1902 г., мартъ, стр 497—498

которыя нѣкогда внушили предательское лобзаніе Іудино. Оставался только вопросъ, кому *первому* протянуть руку? Балашовъ, ссылаясь на то, что онъ министръ и генералъ-адъютантъ, уклонялся отъ перваго визита; Сперанскій, въ простодушной своей довѣрчивости къ людямъ, былъ менѣе щекотливъ и согласился сдѣлать первый шагъ съ своей стороны. Но въ самый день, назначенный для примирительнаго свиданія, у Сперанскаго сильно заболѣла голова, и потому онъ написалъ своему посреднику Магницкому, qu'un mal de tête violent l'empêchait de paraître à l'entrevue convenue avec Balachoff [1]). Эту самую записку Магницкій переслалъ въ подлинникѣ Балашову, а Балашовъ, въ тайныхъ своихъ цѣляхъ, представилъ государю, который ее-то именно и предъявилъ теперь Сперанскому.

— Чья это рука?—продолжалъ онъ.—И можете ли вы, послѣ этой записки, оспорить, что желали скрытнаго сближенія и союза съ такимъ человѣкомъ, къ которому въ публикѣ вы всегда оказывали явное презрѣніе и котораго не разъ и мнѣ самому выставляли какъ злѣйшаго врага? Нужны ли послѣ этого еще другіе факты въ доказательство вашей двуличности со мной?

Точно ли Александръ былъ убѣжденъ въ справедливости высказанныхъ имъ Сперанскому обвиненій и подозрѣній, или все это была одна только маска передъ послѣднимъ и, можетъ статься, даже передъ самимъ собою, одинъ предлогъ для удаленія отъ себя, во что бы то ни стало, безъ вида явнаго неправосудія, человѣка, которому самъ онъ далъ слишкомъ большое вліяніе? Скорѣе, кажется, послѣднее. Онъ не могъ вѣрить въ выдумку о предложеніи Сперанскимъ такого тріумвирата, который самого государственнаго секретаря подвергнулъ бы раздѣленію съ другими власти, дотолѣ ему одному принадлежавшей. Съ другой стороны умолчаніе о предложеніи Армфельда, отвергнутомъ и оставшемся, какъ частный разговоръ, безъ всякихъ послѣдствій, не составляло никакой вины даже и передъ самымъ подозрительнымъ характеромъ, а въ приступѣ къ сближенію съ Балашовымъ трудно было найти что-нибудь другое, какъ естественное желаніе избавиться по крайней мѣрѣ отъ одного лишняго врага. Наконецъ, что касается прочихъ статей обвиненія, то на нихъ всего убѣдительнѣе отвѣчалъ самъ Сперанскій уже изъ заточенія, въ знаменитомъ пермскомъ своемъ письмѣ, и эти отвѣты такъ просты, такъ дышатъ истиною, такъ исполнены логики, что Александру, конечно, должно было предугадать ихъ еще въ ту минуту, когда онъ произносилъ грозную свою филиппику...

Возвращаемся къ аудіенціи 17-го марта.

---

[1]) Т. е. что сильная головная боль препятствуетъ ему явиться на предположенное свиданіе съ Балашовымъ.

Перечисливъ [1]) всѣ предметы своихъ обвиненій, государь, тономъ уже нѣсколько смягченнымъ, продолжалъ:

— Изо всего этого вы видите, что намъ нельзя больше оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ и что, сколько я ни уважаю ваши дарованія, мы необходимо должны разстаться.

— Государь, — отвѣчалъ Сперанскій, какъ только нашелъ минуту произнести слово,—всѣ ваши обвиненія такъ для меня неожиданны, духъ мой такъ взволнованъ этою внезапностью, что я не могъ бы теперь вдругъ представить моихъ оправданій, хотя бы вы мнѣ то и позволили, но вы не позволяете. Вижу [2]), слѣдственно, что мнѣ должно молчать, каково бы ни было внутреннее сознаніе моей совѣсти, и безусловно исполнить вашу волю, еще болѣе тяжкую для моего сердца, чѣмъ для разсудка. Вижу также, и очень хорошо понимаю, что, лишась вашей довѣренности, уже не могу больше съ пользою занимать никакого мѣста. Прошу послѣ этого, за всю мою службу, одной только милости. отпустить меня не съ безчестіемъ и позволить подать отъ самого себя просьбу объ отставкѣ.

— Въ другое время—возразилъ государь—я поступилъ бы иначе; во всякомъ иномъ положеніи дѣлъ, менѣе настоятельномъ, я употребилъ бы годъ или два, чтобы ближе изслѣдовать и повѣрить взведенныя на тебя обвиненія. Но теперешнія обстоятельства этого не позволяютъ. У тебя сильные враги [3]); общее мнѣніе требуетъ твоего удаленія, только на этомъ условіи соглашаются дать нужныя намъ деньги, а у меня на рукахъ—Наполеонъ и неизбѣжная война. Но на желаніе твое [4]) самому проситься въ отставку я охотно соглашаюсь. Пріѣзжай ко мнѣ завтра утромъ въ 12 часовъ съ просьбою, и мы покончимъ все между собою, а теперь прощай, до свиданья.

Сперанскій пошелъ, но, дойдя до дверей, невольно оглянулся. Александръ стоялъ скрестя руки и мрачно смотрѣлъ вслѣдъ ему. Сперанскій не могъ удержать сердечнаго порыва и бросился опять назадъ поцѣловать руку государя, который его обнялъ и прижалъ къ груди.

— Въ жизни моей—сказалъ онъ при этомъ—судьба покарала меня двумя жестокими несчастіями: смертію отца и теперешнею необходимостью съ тобою разстаться... Прощай, будь счастливъ, а я даю тебѣ слово въ одномъ: если переживу тебя, никогда не оставлять твоей дочери.

Сперанскій облилъ его руку слезами и удалился.....

---

[1]) Лубяновскій по разсказу Сперанскаго.

[2]) Записки Михайловскаго-Данилевскаго по разсказу Магницкаго.

[3]) Автобіографія Сперанскаго.

[4]) Лубяновскій по разсказу Сперанскаго.

Въ особенной, или секретной канцеляріи министерства полиціи, состоявшей подъ начальствомъ де-Санглена, дежурнымъ въ этотъ день былъ Густавъ Васильевичъ Лерхе, впослѣдствіи извѣстный петербургскій адвокатъ. По вечеру де-Сангленъ [1]), заѣхавъ въ канцелярію, взялъ у Лерхе два слѣдующіе нумера по исходящему журналу, выставилъ ихъ секретно на привезенныхъ съ собою бумагахъ и велѣлъ молодому человѣку не уходить впредь до приказанія. Въ ту же ночь внезапно разбудили тогдашняго оберъ-полиціймейстера Ивана Саввича Горголи. Частный приставъ Шипулинскій явился донести о полученномъ имъ отъ министра полиціи предписаніи.

— Что такое?

— Мнѣ велѣно сейчасъ ѣхать изъ Петербурга.

— Куда, зачѣмъ?

— Не велѣно сказывать.

По вліянію своему на подчиненнаго, Горголи, однако, тутъ же вывѣдалъ всю истину и остолбенѣлъ: Шипулинскій долженъ былъ везти Сперанскаго въ Нижній... Кромѣ самихъ непосредственныхъ дѣятелей, никому въ Петербургѣ не приходило въ мысль ничего подобнаго. Менѣе всѣхъ, послѣ словъ Александра, сама обреченная жертва провидѣла готовившуюся ей участь.

Въ третьемъ часу утра де-Сангленъ воротился въ канцелярію и позволилъ Лерхе идти домой. Все было кончено.....

---

2. Участіе де-Санглена въ высылкѣ Сперанскаго.

Въ статьѣ барона М. А. Корфа «Дѣятели и участники въ паденіи Сперанскаго», помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» за нынѣшній годъ, упоминалось о той роли, которую игралъ въ паденіи Сперанскаго Я. И. де-Сангленъ, и были сообщены свѣдѣнія о томъ, какъ удалось барону Корфу получить отъ де-Санглена разсказъ, касающійся ссылки Сперанскаго. Этому разсказу въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго» посвящена барономъ Корфомъ особая глава; содержащійся въ ней разсказъ де-Санглена представляетъ лишь небольшія отличія сравнительно съ его Записками, изданными въ «Русской Старинѣ» 1883 года (томъ XXXVII стр. 19—46 и 375—392), а потому печатать въ настоящее время эту главу въ полномъ видѣ было бы излишне. Приведемъ здѣсь лишь конецъ ея, въ которомъ де-Сангленъ описываетъ свое свиданіе съ императоромъ Але-

[1]) Разсказъ Г. В. Лерхе.

ксандромъ на другой день послѣ высылки Сперанскаго изъ Петербурга въ Нижній-Новгородъ.

На другой день [послѣ высылки Сперанскаго, 18-го марта 1812 года] утромъ въ 12 часовъ—читаемъ въ разсказѣ де-Сангленa—я былъ потребованъ къ государю [1]) и впущенъ въ большой кабинетъ.

— Балашовъ—тотчасъ началъ государь—сказалъ мнѣ, что крайне вами недоволенъ, что даже ни онъ съ вами, ни вы съ нимъ служить не хотите [2]). Догадываюсь (улыбаясь). Однако изъ его донесенія я немного понялъ: у него все какъ-то не ясно, сбивчиво, не чисто. Онъ все сваливаетъ на васъ и что вы не умѣли быть ему помощникомъ.

— Я отвѣчалъ, что первый отказался служить съ Балашовымъ; мѣшать министру не могъ, а быть ему помощникомъ—еще менѣе, потому, что онъ дѣйствовалъ одинъ, а я былъ только зрителемъ.

— Вы не можете себѣ представить—продолжалъ государь,—какой вчера былъ тяжелый для меня день! Я вывелъ Сперанскаго, приблизилъ его къ себѣ, имѣлъ къ нему неограниченную довѣренность и принужденъ былъ его выслать. Я плакалъ!

И дѣйствительно, у него навернулись на глазахъ слезы. Я молчалъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, онъ потребовалъ, чтобы я разсказалъ подробно, что и какъ все было. Когда мое повѣствованіе дошло до того, какъ Балашовъ поѣхалъ за шубой и пр. для Магницкаго, государь сказалъ:

— Это и онъ мнѣ говорилъ, вѣроятно, чтобъ эти деньги съ меня воротить. Онъ очень жалостно описалъ положеніе Магницкаго, но я будто не понялъ.

При разсказѣ о томъ, что на вопросъ Магницкаго, ѣдетъ ли съ ними Воейковъ, я отвѣчалъ: Болховской, и что Магницкій просилъ по-

---

[1]) Напомнимъ, что де-Сангленъ, во время подготовленія высылки Сперанскаго, неоднократно былъ призываемъ къ императору Александру и имѣлъ продолжительные съ нимъ разговоры.

[2]) При отправленіи Сперанскаго у де-Сангленa было нѣсколько столкновеній съ Балашовымъ; такъ Балашовъ вошелъ одинъ вмѣстѣ съ Сперанскимъ въ его кабинетъ, тогда какъ де-Сангленъ оставался въ залѣ рядомъ, откуда видѣлъ, какъ Сперанскій жегъ долгое время часть своихъ бумагъ; на требованіе Балашова распечатать кабинетъ Сперанскаго, чтобы дать ему возможность вынести забытый тамъ портфель съ бумагами, де-Сангленъ отвѣчалъ отказомъ и пр. Послѣ отъѣзда Сперанскаго рѣзкій разговоръ между Балашовымъ и де-Сангленомъ продолжался, и тутъ, между прочимъ, де-Сангленъ сказалъ Балашову: „Александръ Дмитріевичъ, между нами все кончено, ибо я болѣе съ вами не служу“, а послѣдній заявилъ де-Санглену: „Знайте, что вы имѣете во мнѣ навсегда непримиримаго врага“.

зволенія писать къ Сперанскому, государь съ гнѣвомъ прервалъ мою рѣчь:

— Это состраданіе было напрасное; вы этимъ открытіемъ поставили меня въ затруднительное положеніе. Когда Сперанскій ко мнѣ вошелъ и сталъ раскрывать портфель, я сказалъ ему: «Не надо, Михайло Михайловичъ: у меня есть другое дѣло переговорить съ вами, понужнѣе». И каково же было мое удивленіе, когда онъ хладнокровно отвѣчалъ мнѣ. «Государь, я все знаю; по выходѣ отъ васъ я буду отправленъ въ Нижній; но позвольте мнѣ воспользоваться послѣдними минутами свиданія и излить передъ вами мою вѣрноподданническую преданность». Тутъ онъ началъ описывать Балашова такими красками, которыя меня ужаснули. Это вы ему открыли глаза.

Государь,—отвѣчалъ я—оправдываться не смѣю; но могъ ли я объявить Сперанскому или Магницкому объ ихъ отъѣздѣ и заставить немедленно ѣхать къ Балашову? Они все знали и приготовились. Балашовъ очернилъ меня, выдумалъ сказку о Воейковѣ и не назвалъ Болховскаго, чтобы не впасть въ подозрѣніе ему, а свалить вину на меня. Магницкій спросилъ; я отвѣчалъ правду, потому что лгать не умѣю, да тутъ не было и нужды лгать. Я уже высказалъ эту правду въ минуту извѣстнаго уже несчастія, въ минуту отъѣзда, а не прежде. Для чего было мнѣ оставаться въ ихъ глазахъ шпіономъ, чернымъ человѣкомъ?

— Съ другой стороны—замѣтилъ государь—я, конечно, только по этому случаю могъ узнать всю черноту души Балашова и потому могу простить вамъ эту неосторожность. Она послужила мнѣ въ пользу. Министерства полиціи и министра полиціи не будетъ. Мнѣ второй экземпляръ Палена не нуженъ. Продолжайте.

Когда я дошелъ до того, какъ Магницкій надѣлъ шапку и спросилъ жену свою: «Suis-je bien coiffé par la police?» [1]), государь громко засмѣялся и потомъ сказалъ:

— Это славно. А Балашовъ это пропустилъ, ни слова не сказалъ! Магницкій уменъ, остеръ, но ужасно вѣтренъ.

Далѣе государь очень удивился, что Балашовъ оставилъ меня у Магницкаго, а самъ поѣхалъ къ Сперанскому.

— Онъ мнѣ и этого не говорилъ!

Разговоръ мой съ Балашовымъ до пріѣзда Сперанскаго, особливо предположеніе мое, что, вмѣсто него, отправятъ насъ, разсмѣшилъ моего слушателя; онъ сказалъ:

— Едва ли это не было бы лучше для меня; но въ отношеніи къ государству лучше было отправить Сперанскаго: доказательство—ра-

[1]) Т. е. Хорошо ли принарядила меня полиція?

дость, которую произвелъ его отъѣздъ въ столицѣ и, вѣрно, произведетъ и вездѣ.

Потомъ, погодя немного:

Люди — мерзавцы! Тѣ, которые еще вчера утромъ ловили его улыбку, нынче поздравляютъ меня и не могутъ нарадоваться его ссылкѣ.

Государь взялъ со стола книгу и потомъ гнѣвно бросилъ ее опять на мѣсто, сказавъ съ негодованіемъ:

— Подлецы, вотъ кто окружаетъ насъ.... Но я все васъ останавливаю. Какъ вошелъ Михайло Михайловичъ?

— Государь, чрезвычайно спокойно; я даже такъ удивился его хладнокровію и твердости, что подумалъ, не прощенъ ли онъ вашимъ величествомъ.

Потомъ я разсказалъ все до приглашенія въ кабинетъ и просьбы Балашова дать ему пробыть полчаса наединѣ съ Сперанскимъ.

— Вамъ не слѣдовало на это соглашаться,—возразилъ мой собесѣдникъ.

— Государь, онъ былъ еще тогда моимъ начальникомъ, и ваше величество запретили мнѣ ему мѣшать, велѣвъ только довести до вашего свѣдѣнія о томъ, что я увижу и услышу.

— Да, это такъ. Но можно ли мнѣ было предполагать, что Балашовъ, которому я приказалъ взять васъ съ собою, отважится на такой поступокъ?

Я продолжалъ свой разсказъ. Серьезность лица государя и его движенія доказывали, что онъ все болѣе и болѣе былъ недоволенъ,—мною ли, или Балашовымъ, я разгадать не могъ; но когда я упомянулъ, что, послѣ запечатанія, двери были снова распечатаны, онъ вышелъ изъ себя.

— Какой бездѣльникъ! Онъ мнѣ объ этомъ смолчалъ. Петръ Великій своеручно отрубилъ бы ему голову, а я, я мало-по-малу спущу его изъ поповъ въ дьяконы. Удивляюсь только Сперанскому.... Видно дѣлишки его, въ самомъ дѣлѣ, не такъ-то чисты!

Я передалъ государю послѣднія слова сосланнаго, т. е. о желаніи его монарху и отечеству счастія и успѣховъ, и прибавилъ, что эти слова были произнесены съ чувствомъ, отъ сердца.

Государь отвѣчалъ, кажется, откровенно:

— Вѣрю; я Сперанскаго знаю; въ немъ нѣтъ злобы, онъ болѣе способенъ на добро. Онъ религіозенъ, и я никогда не замѣчалъ въ немъ пристрастія, еще менѣе вражды. Но сожженныя и увезенныя бумаги?.. Онѣ оправдываютъ его ссылку, а общая радость подкрѣпляетъ ея необходимость.

Государь очень любопытствовалъ знать, что было въ минуту

прощанья. Я подробно все разсказалъ, прибавивъ, что Сперанскаго до самаго отъѣзда не оставляло присутствіе духа, и что ссылаемый былъ, во все время, выше того, который его отправлялъ.

Наконецъ разсказалъ я и о моемъ прощаньи съ Балашовымъ.

— Вы поступили дерзко,—замѣтилъ государь—но это былъ языкъ правдиваго человѣка. Вы только не подумали о послѣдствіяхъ. Балашовъ сдержитъ слово: онъ будетъ всѣми силами вамъ вредить, и уже началъ. А что вы сдали дѣла Фоку [1]), это еще для васъ вреднѣе: онъ подниметъ противъ васъ все министерство полиціи. Mais ce qui est fait, est fait [2]). Внутренно вы удовлетворили вашему благородству, а наружно много проиграете.

Погодя немного, государь отпустилъ меня со словами:

— Завтра вечеромъ въ 7 часовъ придите въ секретарскую и ожидайте моего призыва.

— Не хотите ли быть статсъ-секретаремъ?—спросилъ меня, между прочимъ, государь въ это свиданіе.

— Ваше величество,—отвѣчалъ я—развѣ вамъ угодно, чтобъ потомство утвердилось на пустыхъ слухахъ, распущенныхъ Балашовымъ и его кліентами, будто бы я подкопался подъ Сперанскаго и Магницкаго?

— Это и такъ не уйдетъ,—сказалъ государь, разсмѣявшись, — но, если вы меня обманываете возвышенными вашими чувствами, то никто еще меня такъ не обманывалъ.

Что далѣе происходило при этомъ новомъ свиданіи и для чего оно было назначено, де-Сангленъ намъ не передалъ, — пишетъ баронъ Корфъ.—Но вотъ что онъ еще прибавилъ частью о личныхъ своихъ и прочихъ участниковъ этого дѣла судьбахъ, а частью о причинахъ, которыми, по его мнѣнію, вызвано было паденіе Сперанскаго:

«Итакъ всѣ пострадали въ этой великой драмѣ. Сперанскаго и прочихъ сослали; Балашовъ упалъ во мнѣніи государя, но въ мнѣніи публики не тотчасъ, потому что оставался еще генералъ-адъютантомъ и съ титуломъ министра полиціи; дипломаты Армфельдъ и Вернегъ спрятались, какъ улитки, въ скромные свои домики. Моя участь была тяжелѣе всѣхъ, и хотя я оставался въ довѣренности у государя, но оттого и число враговъ моихъ множилось ежедневно. Самъ государь, по

[1]) М. Я. Фоку, впослѣдствіи бывшему управляющимъ III Отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи. „По возвращеніи домой [послѣ отправленія Сперанскаго], прежде чѣмъ лечь спать—говоритъ въ своемъ разсказѣ де-Сангленъ—послалъ я Фоку ордеръ о принятіи имъ всѣхъ дѣлъ по причинѣ моей болѣзни".

[2]) Т. е. Но ничего уже не подѣлаешь.

слабости ли характера, или изъ политики, ничего для меня не дѣлалъ. Но все это было только личное и ничто въ сравненіи съ тѣмъ вредомъ, который претерпѣло правительство. Учрежденія Сперанскаго, не получивъ еще настоящей опредѣлительности и окрѣплости и утративъ тотъ духъ, которымъ они двигались и жили, лишились съ нимъ и должнаго развитія, что̀ еще надолго отзовется для Россіи.

«Для меня лично, все кончилось напослѣдокъ слѣдующимъ отзывомъ государя: «Вамъ Балашовъ навлекъ столько враговъ въ Петербургѣ, что я рѣшился отправить васъ въ армію» [1]). Дѣйствительно, Балашовъ не устыдился не только взводить на меня разныя небылицы, какъ, между прочимъ, и отправленіе Сперанскаго, но и просить Барклая, Ермолова, Кутузова, всѣхъ начальниковъ и, наконецъ, московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицына всячески меня притѣснять и не давать мнѣ хода, что̀ всѣми ими, безъ разсужденія, въ одну угодность Балашову, и было исполнено, думаю, свыше даже собственныхъ его ожиданій. Такъ князь Голицынъ, кромѣ лживыхъ на меня, уже въ послѣдующее царствованіе донесеній, представилъ въ превратномъ видѣ человѣколюбивый мой подвигъ и тѣмъ, при императорѣ Николаѣ, окончательно убилъ политическій мой бытъ.

«Сперанскій—продолжаетъ де-Сангленъ—ввергъ себя въ несчастіе самонадѣянностью, увѣренностью, что онъ необходимъ, ибо кому другому, думалъ онъ, было бы подъ силу развить нити клубка, столь таинственно имъ замотаннаго, наконецъ, излишнею своею довѣренностью къ министру полиціи и къ Магницкому, человѣку не безъ таланта, но вѣтренному, опрометчивому, болтуну. Отправленіе Магницкаго и Болховскаго было нужно, чтобы сбить съ толку публику. По-

---

[1]) Де-Сангленъ былъ отправленъ оберъ-гевальдигеромъ къ Барклаю; но еще прежде того, а именно 22-го марта 1812 г., слѣдственно черезъ пять дней послѣ высылки Сперанскаго, пожалованъ орденомъ св. Анны 2-й степени при слѣдующей высочайшей грамотѣ:

„Господину коллежскому совѣтнику де-Санглену.

„Особенная дѣятельность ваша по службѣ и отличное усердіе къ исправленію возложенныхъ на васъ должностей, съ совершеннымъ безкорыстіемъ соединенныхъ, во все время нахожденья васъ при министерствѣ полиціи начальствомъ засвидѣтельствованныя, обращаютъ особенное благоволеніе наше, въ изъявленіе коего жалуемъ васъ кавалеромъ ордена св. Анны 2-го класса, знаки коего для возложенія на васъ при семъ препровождаемъ. Въ С.-Петербургѣ, 22-го марта 1812 года. Александръ.

(Контрасигнировалъ) Министръ полиціи А. Балашовъ“

„Этимъ рескриптомъ—пишетъ де-Сангленъ—государь отвлекъ отъ меня всѣ нелѣпые слухи, которые Балашовъ съ 18-го марта старался взводить на меня. А что глупая публика могла приписать этотъ крестъ въ награду за обличеніе Сперанскаго, то обличеніе это столь же мало до меня относится, какъ и до самаго Сперанскаго, ибо рѣшительно никакого обличенія не было“.

Академія

чему Балашовъ съ перваго разу призналъ за необходимое утаить передъ государемъ свою связь съ Сперанскимъ—не знаю; но видно въ томъ была надобность по его цѣлямъ, ибо онъ отрекся отъ этого знакомства. Первая эта ложь породила послѣдующія и, находясь между двумя огнями, Балашовъ метался то туда, то сюда, чтобъ не обжечься. Сожженныя бумаги должны были относиться и къ самому Балашову, который, точно, имѣлъ переписку съ Сперанскимъ, ибо личными посѣщеніями боялся пробудить извѣстную недовѣрчивость государя: слѣдственно онъ долженъ былъ и Сперанскому дать возможность увезти съ собою тѣ бумаги, которыя послѣднему казались нужными. Балашова побудила къ тому самая необходимость, такъ какъ иначе всѣ обманы его вышли бы на свѣтъ, и онъ не отдѣлался бы такъ дешево. Сверхъ того я подозрѣваю—и не безъ причины,—не разрѣшилъ ли ему самъ государь позволить Сперанскому увезти съ собою кое-какія бумаги, чтобы чрезъ то имѣть болѣе причинъ къ обвиненію послѣдняго, ибо никакихъ преслѣдованій за это позволеніе не было, тогда какъ можно было и воротить портфели, и узнать ихъ содержаніе. Балашовъ перешагнулъ за границы полученнаго имъ разрѣшенія, далъ гораздо болѣе, но, при ссылкѣ на это разрѣшеніе, не могъ быть прямо обвиненъ. Армфельдъ и Вернегъ дѣйствовали за кулисами и, когда пьеса окончилась—скрылись. Публика ихъ не видѣла. Одинъ я съ своею правдивостію сдѣлался le fou de l'aventure [1]). Выставить меня публикѣ въ настоящемъ свѣтѣ было невыгодно для иного, а благородный мой характеръ, слѣпая довѣренность къ владыкѣ и слѣпое повиновеніе его волѣ были, впослѣдствіи, причиною всѣхъ претерпѣнныхъ мною неудовольствій и гоненій. Но я остался съ чистою совѣстью и могу сказать, какъ нѣкогда Францискъ I: «Tout est perdu, hors l'honneur» [2]).

Въ современномъ дневникѣ Логгина Ивановича Голенищева-Кутузова [3]) находятся два слѣдующія замѣчательныя мѣста:

Подъ 25 марта 1812 г.: «Я видѣлся вчера съ Сангленомъ, и все, что я отъ него услышалъ, не умѣстилось бы и на 50-ти страницахъ. Онъ не былъ у меня цѣлыхъ два мѣсяца изъ страха проговориться о томъ, что между тѣмъ подготовлялось. Преступленіе Сперанскаго есть—измѣна. Всѣ доказательства на то въ рукахъ государя. Онъ, Сангленъ, былъ нѣсколько разъ призванъ къ царю и однажды пробылъ у него

---

[1]) Т. е. козломъ отпущенія.

[2]) Т. е. Все потеряно, кромѣ чести.

[3]) Подлинная рукопись дневника Л. И. Голенищева-Кутузова, писанная на французскомъ языкѣ, хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

цѣлыхъ шесть часовъ сряду: это немножко сильно, но, что̀ еще сильнѣе, это то, что, въ минуту высылки преступника, министръ полиціи, которому велѣно было взять съ собою въ эту экспедицію Сангленa, оставилъ его въ залѣ, а самъ заперся наединѣ съ Сперанскимъ на три часа въ его кабинетѣ, и что, по выходѣ ихъ оттуда, Сангленъ сдѣлалъ сцену своему начальнику, объявивъ, что не хочетъ болѣе служить при немъ, и, дѣйствительно. вслѣдъ затѣмъ, и вышелъ отъ него. Словомъ, Сангленъ явно обвиняетъ Балашова въ измѣнѣ и уѣзжаетъ въ армію генералъ-гевальдигеромъ. Все, что онъ говоритъ о Балашовѣ—невообразимо. Онъ называлъ его прямо участникомъ Сперанскаго; говоритъ, что сказалъ ему, что если бы онъ, Сангленъ, отказался идти съ нимъ въ кабинетъ Сперанскаго, то Балашовъ долженъ бы былъ втолкнуть его туда силою; словомъ, сдѣлать все на свѣтѣ, чтобъ не оставаться съ этимъ молодцомъ одному. Но нѣтъ ли тутъ какой-нибудь изпанки? Я такъ просто думаю, что Балашову хотѣлось выручить свои, слишкомъ нѣжныя письма, съ которыми онъ обращался къ Сперанскому для полученія поста министра полиціи, и что при этомъ онъ уже черезъ чуръ заплутался. Сангленъ—въ какомъ-то восторженномъ бѣшенствѣ».

Подъ 15 сентября того же 1812 года: «Сангленъ возвратился изъ арміи и былъ у меня. Шишковъ разсказывалъ мнѣ, что онъ (т. е. Сангленъ) былъ болѣе часа у государя и вышелъ отъ него весь сіяющій, съ словами: «Ну, вотъ теперь не Барклай!» Слышавъ отъ тетушки, что онъ худо отзывается о моемъ дядѣ (фельдмаршалѣ князѣ Смоленскомъ), я прямо спросилъ у него о томъ; онъ поклялся мнѣ, что слышанное мною сущая ложь и что это самъ государь распускаетъ разныя неблагопріятныя мнѣнія насчетъ моего дяди, приписывая ихъ ему, Санглену. Впрочемъ онъ, точно, не совсѣмъ доволенъ дядею, и поэтому и оставилъ армію».

«Первая выписка изъ этого современнаго событіямъ дневника—пишетъ баронъ Корфъ—во многихъ подробностяхъ подтверждаетъ разсказъ, переданный намъ де-Сангленомъ спустя 35 лѣтъ послѣ того; но какъ въ тогдашнемъ его сообщеніи Кутузову является прямое обвиненіе Сперанскаго въ измѣнѣ, а между тѣмъ въ упомянутомъ, позднѣйшемъ, разсказѣ де-Сангленъ совершенно очищаетъ государственнаго секретаря отъ этого упрека и, напротивъ, вездѣ выставляетъ себя его защитникомъ передъ Александромъ, то мы не остановились сообщить эту выписку нашему корреспонденту, болѣе, сознаемся, изъ желанія увидѣть, какъ онъ, съ своимъ умомъ, выпутается изъ такого противорѣчія».

Вотъ отвѣтъ де-Санглена (отъ 18-го марта 1847 года), съ опущеніемъ титулатуръ и фразъ вѣжливости:

«Письмо ваше пробудило во мнѣ давно протекшее—царствованіе

императора Павла, сего худо понятаго рыцаря среднихъ вѣковъ, и служеніе мое при Иванѣ Логгиновичѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ [1]). Здѣсь соединили насъ съ его сыномъ Логгиномъ Ивановичемъ науки, молодость и практическій взглядъ на все, насъ окружавшее. Я былъ въ ихъ домѣ ежедневно, по службѣ—капитанъ, а по ласкѣ—гость, и придерживаясь правила никогда не забывать хлѣба-соли, я, и послѣ смерти Ивана Логгиновича, старался поддержать благодарностью то, что случай мнѣ доставилъ и разрушилъ. Послѣ успѣлъ я оказать немалыя услуги Логгину Ивановичу. Къ сердцу доброму, благородному, хотя нѣсколько надменному, къ уму образованному онъ присоединялъ недостатки, изъ которыхъ главнѣйшій состоялъ въ нерасположеніи къ покойному государю (т. е. Александру Павловичу), доходившемъ до безумія,—вѣроятно изъ благодарности къ памяти Павла и изъ оскорбленнаго самолюбія. Нашлись услужливые люди, которые пили-ѣли у Логгина Ивановича и о рѣчахъ и рѣзкихъ сужденіяхъ его доносили императору. Я два раза имѣлъ счастіе отклонить отъ него бѣду и очистить домъ его отъ этихъ услужливыхъ паразитовъ. Вотъ, вкратцѣ, близкое мое знакомство съ Логгиномъ Ивановичемъ. Благодарность моя ставитъ меня и нынѣ мысленно у могилы его, и я отъ души восклицаю. sit tibi terra levis! Но Логгинъ Ивановичъ былъ хвастливъ, болтливъ, нескроменъ до безконечности [2]). Разсудите сами, могъ ли я съ нимъ говорить съ тою откровенностію, на которую вызвали вы меня вашею ко мнѣ довѣренностію. Сверхъ того, цѣлью его разспросовъ было—любопытство, тогда какъ ваша—истина для потомства. Обыкновенную его быстроту и опрометчивость въ сужденіяхъ я встрѣчаю теперь опять и въ его дневникѣ. Спрашивается, могъ ли я оставить вопросы старинаго этого добраго знакомца безъ отвѣта, но и не долженъ ли былъ мои отвѣты сообразовать съ его характеромъ и моимъ положеніемъ?... Иногда приходитъ мнѣ на мысль, не имѣете ли вы какого-либо предубѣжденія противъ меня? Ибо никакъ не хотите вникнуть въ настоящую причину ссылки [3]), какъ-то: что въ глазахъ государя Сперанскій изобличался въ желаніи на-

---

[1]) Адмиралъ, президентъ Адмиралтействъ-коллегіи.

[2]) Прибавимъ еще съ нашей стороны—болѣе всего тщеславенъ Мы очень коротко знали Логгина Ивановича, съ которымъ находились и въ нѣкоторомъ родствѣ. Въ портретѣ де-Санглена, впрочемъ очень вѣрномъ, пропущена еще одна черта—непомѣрная, отнюдь не по средствамъ, роскошь жизни, происходившая изъ того же тщеславія и между тѣмъ вовлекшая Кутузова въ неоплатные долги, съ разореніемъ многихъ семействъ, которыя довѣрили ему свои капиталы. Нерасположеніе свое къ Александру онъ перенесъ потомъ и на его преемника. (Примѣчаніе барона М. А. Корфа).

[3]) Это и слѣдующее далѣе относилось къ разнымъ, выраженнымъ въ письмахъ моихъ къ нему сомнѣніямъ,—замѣчаетъ Корфъ.

несть своими учрежденіями ударъ самодержавію (онъ утвердилъ государя въ этомъ мнѣніи совѣтомъ собрать боярскую думу), и что государь хотѣлъ парализировать Государственный Совѣтъ, а для этого нужно было удалить душу Совѣта, и съ тѣмъ вмѣстѣ соединить народъ около престола противъ общаго врага Европы. Вотъ основная идея! Теперь, пусть чернь волнуется, царедворцы интригуютъ, распускаютъ самые нелѣпые слухи, кричатъ объ измѣнѣ—тѣмъ лучше! Бранятъ то Балашова, то Сперанскаго, то Армфельда, де-Санглена, Блума и пр. прекрасно! Чѣмъ больше путаютъ, опять таки тѣмъ лучше: все ведетъ скорѣе къ цѣли! И вы этого видѣть какъ будто не хотите. Основная историческая идея у васъ въ сторонѣ; вы разсматриваете второе отдѣленіе интриги, слухи, записки людей далекихъ отъ сцены и даже, опираясь на нихъ, самопроизвольно опредѣляете награды за небывалое. Какъ пришло вамъ на мысль данныя мнѣ такъ деликатно царемъ 5 тысячъ рублей [1]) растолковать въ видѣ награды за обличеніе Сперанскаго, котораго не было? Вы мало что меня черезъ это унижаете, вы унижаете память царя, который изъ собственныхъ рукъ будетъ платить за доносы или небывалыя обличенія!! Царское ли это дѣло? Государь зналъ, что куча арестантовъ, привозимыхъ ко мнѣ изо всѣхъ губерній, получала пищу со стола моего, что я жилъ тогда однимъ жалованьемъ,—и деликатно подалъ мнѣ руку помощи. Не одинъ разъ страдалъ я сердечно, слыша вокругъ себя, будто царь награждалъ за подлость, и еще изъ собственныхъ рукъ. Я выходилъ изъ себя; прошу и теперь извинить меня за эту сердечную выходку. Вы спрашиваете: какъ можно объяснить, что государь нѣкоторымъ образомъ за противодѣйствіе своимъ намѣреніямъ давалъ эти награды? Именно такъ, ибо благородное это противодѣйствіе произвело сильное впечатлѣніе на его возвышенную душу, не привыкшую къ тому. Отъ этого же произошли и тѣ безпримѣрно - ласковые пріемы, о которыхъ вы изволите говорить. Они доказываютъ вамъ, что я имѣлъ счастіе пользоваться уваженіемъ моего царя, которое мнѣ превыше всего. Подлецамъ подобныхъ пріемовъ не дѣлаютъ: имъ платятъ деньги и ихъ презираютъ. И зачѣмъ подозрѣвать зло тамъ, гдѣ его нѣтъ, зачѣмъ обижать дателя и даяніе? Впрочемъ, часто говорено было о Сперанскомъ; я отвергалъ всѣ нелѣпости, лжи, клевету, просто какъ мерзости; но не оправдывалъ его въ томъ, въ чемъ обвинялъ государь, защищавшій родовое свое наслѣдіе—самодержавіе, въ минуту войны сдѣлавшееся ему необходимымъ. Но я не скрылъ отъ государя, что и въ этомъ прямо Сперанскаго укорить нельзя, ибо подписывалъ не онъ, да и не разгадано еще, имѣлъ ли онъ, дѣйствительно, такое

---

[1]) См. объ этомъ въ Запискахъ де-Санглена („Русская Старина“ 1883 г., т. XXXVII, стр. 42—45).

намѣреніе, или при составленіи учрежденій, одного за другимъ, не явилось ли это само собою, безъ цѣли и видовъ? И вы полагаете, что подобныя сѣмена, падшія на добрую землю, не приносятъ плода. Неужели не случалось вамъ никогда быть готовымъ поднять мечь правосудія на обнесеннаго, оклеветаннаго человѣка, но вы встрѣчаете въ защитникѣ его хладнокровіе, высокое чувство чести, убѣждаетесь въ истинѣ его рѣчи: вы обнимаете защитника; это дань, непроизвольно платимая вами человѣческому величію. Эта фраза покажется вамъ самолюбивою; что дѣлать! но оно такъ. Sauver je ne pouvais pas; mais mitiger, en contrebalançant les calomnies par la plus stricte vérité, je l'ai pu, et ma conscience n'a rien à me reprocher; à mes yeux le plus grand crime de Spéransky est d'être resté seul avec Balachoff pendant trois heures me sachant dans le salon. C'est un respect (?) dont je n'aurais pas voulu à la honte des deux champions. Qui fermera la bouche à la postérité que ce n'était point une trahison! S'il n'était pas fautif auparavant, il le devenait à présent [1]). Вообще, чтобъ писать вѣрно исторію Сперанскаго, надо входить болѣе въ характеръ Александра I-го. Все высокое, великое, доступно было его величеству; онъ умѣлъ уважать эту возвышенность, но не далѣе той комнаты, въ которой оказывалъ свое уваженіе. Это было сердечное сочувствіе тому, кто въ наградахъ нужды не имѣлъ. Тутъ одна награда—личное уваженіе. Я жилъ уже въ отпуску въ Москвѣ, какъ у Ауербаха сгорѣла фабрика; я осмѣлился просить о вспомоществованіи ему; государь приказалъ, безъ слѣдствія и запроса, выдать ему 25 тысячъ рублей на нѣсколько лѣтъ безъ процентовъ. Вотъ настоящая награда для моего сердца, а не та, которая въ уровень со всѣми обыкновенными наградами. Впрочемъ, если и государь, видя мои поступки почти ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, могъ иногда выражать сомнѣніе насчетъ моихъ чувствъ, то мудрено ли, если вы, зная меня, можетъ быть, по слухамъ, задолго до письменнаго знакомства, и по слухамъ не всегда вѣрнымъ, не можете разстаться съ внушенными вамъ на мой счетъ мыслями. Но гдѣ доказательства? Языкъ правдиваго человѣка узнается по тону и образу выраженія.

«Перейдемъ къ мнимому разнорѣчію съ дневникомъ.

---

[1]) Т. е. Спасти я не могъ; но облегчить, противопоставляя клеветамъ самую строгую истину, это я могъ, и совѣсть моя ни въ чемъ не можетъ меня упрекнуть По моему мнѣнію, Сперанскій виновенъ всего болѣе въ томъ, что онъ оставался въ теченіе трехъ часовъ наединѣ съ Балашовымъ, хотя зналъ, что я нахожусь въ сосѣдней залѣ Я бы отказался отъ подобной чести, къ стыду обоихъ этихъ героевъ. Кто заставитъ потомство молчать, что тутъ была измѣна! Если Сперанскій не былъ ранѣе виновенъ, то теперь онъ становился виновнымъ

«Онъ не былъ у меня цѣлыхъ два мѣсяца изъ страха проговориться о томъ, что между тѣмъ подготовлялось». Это довольно вѣжливая фраза, чтобъ не сказать: я не хотѣлъ и не долженъ былъ у васъ быть. Да и въ этотъ разъ не я былъ у него, а онъ у меня. «Преступленіе Сперанскаго есть измѣна... и до конца». Могъ ли я иначе говорить, какъ согласно съ мнѣніемъ царя и всей публики? И отвѣтъ, когда спрашивали о доказательствахъ, весьма естественъ былъ: «Въ рукахъ у государя». И кому я о томъ сказывалъ? Тому, который у себя за столомъ объ этомъ не смолчалъ бы, а уже навѣрно два задушевные пріятеля, М(ихаилъ) А(лексѣевичъ) Обрѣзковъ (въ то время директоръ департамента внѣшней торговли, а послѣ сенаторъ) и П(етръ) А(ндреевичъ) Кикинъ (статсъ-секретарь у принятія прошеній) это тотчасъ бы узнали, а съ ними вся публика и самъ государь. Я не говорю уже, что, кромѣ собственнаго убѣжденія, одной царской воли достаточно было, чтобъ молчать.

«Сангленъ былъ нѣсколько разъ призванъ къ царю».—Нѣтъ, почти всякій день, а въ Царскомъ Селѣ почти цѣлыя сутки. Мнѣ поручалъ государь и другія дѣла, которыя имѣли видъ полной довѣренности. «Но что еще сильнѣе»—доказываетъ, что довѣряемое мною Кутузову я довѣрялъ каждому, ибо Балашова я не щадилъ, а Сперанскаго отдѣлять отъ Балашова не смѣлъ. Для публики—измѣнники оба, и дѣло съ концомъ. «Я такъ просто думаю, что Балашову хотѣлось выручить свои, слишкомъ нѣжныя письма, съ которыми онъ обращался къ Сперанскому для полученія поста министра полиціи» — почти слово въ слово моя фраза; забыто только еще: es war ein Tauschhandel [1]).

«Не могу довольно подивиться, какъ вы могли тутъ найти разнорѣчіе. Я тогда былъ предметомъ вниманія каждаго уже и по ссорѣ моей съ Балашовымъ, тогдашнимъ для меня миніатюрнымъ колоссомъ, а для всѣхъ—Геркулесомъ. Всѣ меня разспрашивали, всѣмъ я давалъ отвѣты, но несообразные съ истиною, которую обязанъ былъ таить. Я недавно видѣлъ краткую записочку о сей эпохѣ Ивана Ивановича Дмитріева, гдѣ сказано, что де-Сангленъ изобличилъ Сперанскаго въ измѣнѣ—я засмѣялся... Ему же сообщилъ, какъ самъ онъ говоритъ, родственникъ его—Балашовъ: источникъ не очень чистый. У насъ вообще манера сильныхъ сваливать вину съ больной головы на здоровую. Можетъ быть, найдутся и еще дневники, записки и пр. съ подобными пустыми слухами, а истина все останется непреложно истиною; пусть

---

[1]) Т. е. Это былъ обмѣнъ услугъ

зароютъ ее глубоко въ нѣдрахъ земли: она съ шумомъ и бурею, какъ вулканъ, вырвется на бѣлый свѣтъ».

«Приведенная выше вторая выписка изъ дневника Кутузова осталась несообщенною де-Санглену, — замѣчаетъ Корфъ — потому что мы отыскали это мѣсто уже гораздо позже, когда сношенія наши съ нимъ прекратились и когда вообще, за другими занятіями, вся наша работа давно была отложена въ сторону. Впрочемъ, упомянутое мѣсто и не имѣетъ прямой связи съ нашимъ предметомъ, относясь болѣе къ лицу самого де-Санглена».

Въ дневникѣ Сперанскаго подъ 31-мъ августа 1821 года находится слѣдующее мѣсто (въ «Жизни графа Сперанскаго», т. II, стр. 17—18, оно напечатано съ нѣкоторыми пропусками):

«Пространный разговоръ съ государемъ, по случаю разговора о Балашовѣ. Началомъ всему полагается де-Сангленъ. Доносъ якобы состоялъ въ сношеніи съ Лористономъ и Блумомъ [1]). Повидимому, Болховской Магницкому и Балашову твердилъ о соединеніи, обманывая равно того и другаго; но Балашовъ предупредилъ государя и получилъ повелѣніе слѣдовать. Вообще, кажется, начало и происшествіе сего дѣла смѣшаны и забыты. Confusion, intrigues, commérages. En s'occupant des choses, on néglige les hommes [2]). Но все въ рукѣ Провидѣнія, всегда справедливаго, всегда милосердаго».

Выписка эта была сообщена барономъ Корфомъ де-Санглену, послѣ уже того, какъ Корфъ имѣлъ въ рукахъ его извѣстный разсказъ, и вотъ что де-Сангленъ отвѣчалъ Корфу (10-го февраля 1847 года) порознь противъ каждой изъ вышеприведенныхъ фразъ дневника:

«Началомъ всему полагается де-Сангленъ»—A ce trait je reconnais Sa Majesté de glorieuse mémoire [3])! Такъ это было съ Гурьевымъ. Чтобы скрыть нѣмца, доносившаго на него, императоръ назвалъ—меня. Такъ это было и съ Козодавлевымъ, Армфельдомъ и пр. Но въ настоящемъ случаѣ это было необходимо, чтобъ скрыть собственныя свои дѣйствія. Какъ возможно было выказать мои дѣйствія, не окомпрометировавъ себя? Поступя иначе, государь могъ бы заставить Сперанскаго обратиться ко мнѣ и узнать истину, могъ бы даже внушить ему желаніе вырвать меня, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, изъ забвенія. Все это было не въ нашей политикѣ! Но я откровенно пойду

---

[1]) Тогдашними французскимъ и датскимъ посланниками въ Петербургѣ.

[2]) Т. е. Неясность, интриги, сплетни. Занимаясь дѣлами, пренебрегаешь людьми

[3]) Т е. По этой чертѣ узнаю блаженной памяти государя.

далѣе. Какъ могъ Сперанскій не догадаться, что онъ окруженъ ложью, имѣя слѣдующія доказательства: во 1-хъ, я совѣтовалъ Болховскому бросить факторство. Онъ имъ это пересказалъ. Они велѣли мнѣ быть осторожнѣе насчетъ Балашова и грозили бѣдой; во 2-хъ, я открылъ Магницкому, что Балашовъ ихъ оболгалъ: не Воейковъ, а Болховской съ ними ѣдетъ. Магницкій предупредилъ Сперанскаго запискою; въ 3-хъ, не самъ ли Сперанскій, въ первой, по возвращеніи отъ государя, вспышкѣ благодарности, далъ мнѣ почувствовать, что онъ это цѣнить умѣетъ, и тѣмъ меня компрометировалъ; въ 4-хъ, не при немъ ли я сказалъ Балашову, что онъ, неумѣстною своею снисходительностію, навлекъ на Сперанскаго подозрѣнія всей Россіи? Это—факты. Но что дѣлалъ Сперанскій? Собиралъ тутъ и тамъ слухи. то вѣрилъ, то сомнѣвался, а обо мнѣ—забылъ!

«Доносъ якобы состоялъ въ сношеніи съ Лористономъ и Блумомъ». Выдумано глупо, изъ одного желанія путать; жаль только, что я этихъ господъ не зналъ и никогда съ ними ни слова не говорилъ. Просто вздоръ, путаница!

«Повидимому Болховской Магницкому и Балашову твердилъ о соединеніи, обманывая равно того и другаго». Трог d'honneur [1])! Болховской слишкомъ вѣтренъ и теперь (онъ въ 1847 году былъ еще живъ). Хвастовство и кокетство—его элементъ. Онъ, просто, чванился своими связями, но онъ соединилъ! Доказательства. пріѣздъ Магницкаго вечеромъ къ Балашову въ день ссылки; одѣтые въ дорогу люди Сперанскаго, когда воля императора была, чтобы ссылаемые узнали о своей ссылкѣ только въ минуту отправленія.

«Но Балашовъ предупредилъ государя и получилъ повелѣніе слѣдовать».—Боже мой! Ложь за ложью. Балашовъ назвалъ доктора Эллизена [2]) факторомъ своимъ между Магницкимъ и Сперанскимъ. Врагъ всякой лжи, я открылъ государю истину. Онъ потребовалъ отъ Балашова записки Болховскаго. Балашовъ принужденъ былъ ихъ привезти, и все открылось само собою, и ничего не слѣдовали, и слѣдовать не было и нужды. Одно только видѣлъ Сперанскій хорошо: «confusion, intrigues, commérages»; и на этомъ надо ему было и остановиться, если онъ не хотѣлъ меня спросить, ибо я одинъ не имѣлъ нужды лгать, потому что никакихъ доносовъ не дѣлалъ: j'étais donc en dehors de toutes les intrigues [3]). А послѣдняя фраза справедлива только наоборотъ. en s'occupant des hommes on a négligé les

[1]) Т. е. Слишкомъ много чести.

[2]) См. Записки де-Санглена („Русская Старина“ 1883 года, т XXXVII, стр. 32).

[3]) Т. е Я стоялъ внѣ всякихъ интригъ.

choses [1]) Самъ Сперанскій не придавалъ, кажется, своему дневнику исторической истины, ибо говоритъ: «вообще, кажется, начало и происшествіе сего дѣла забыты».—Это такъ, Сперанскому все должно было казаться смѣшаннымъ и забытымъ,—но не мнѣ, при которомъ наматывались нитки клубка, а завитокъ его—былъ въ рукахъ сильнаго [2]), любившаго путать и ссорить, по правилу: divide et impera!»

Прошло тринадцать лѣтъ со времени сношеній барона Корфа съ де-Сангленомъ; можно было думать, что его уже нѣтъ въ живыхъ, какъ вдругъ въ октябрѣ 1860 года Корфъ получилъ отъ него слѣдующее письмо: «Разныя житейскія случайности, болѣзни и пр. лишили меня лестной переписки съ вашимъ высокопревосходительствомъ. Нынѣ, оправясь немного, осмѣливаюсь я, на случай моей смерти, доставить вамъ прилагаемый документъ, который есть слѣдствіе предварительнаго сценическаго разсказа, вамъ представленнаго прежде, и который предшествовалъ самому факту. Прошу ваше высокопревосходительство убѣдиться, что 85-ти-лѣтній старикъ, котораго смерть ежеминутно настигнуть можетъ и который остался единымъ живымъ свидѣтелемъ того происшествія, не станетъ осквернять ни языка, ни пера своего неправдой или лестью, но всегда предпочиталъ святую истину всѣмъ благамъ міра сего».

Упоминаемый здѣсь «документъ» есть не иное что, какъ записка самого де-Санглена, содержащая въ себѣ дальнѣйшія разсужденія о преждеописанныхъ имъ событіяхъ и не представляющая, въ существѣ, ничего новаго. Записка эта, служащая доказательствомъ того, что этотъ замѣчательный человѣкъ вполнѣ сохранялъ свои умственныя силы и въ такой глубокой старости, была слѣдующаго содержанія:

«Съ нѣкотораго времени читаемъ мы въ нашихъ журналахъ и пр. о происшествіи, случившемся съ человѣкомъ крайне замѣчательнымъ; я говорю о Михайлѣ Михайловичѣ Сперанскомъ, не бывшемъ еще графомъ, но вышедшемъ уже изъ ряда людей обыкновенныхъ и пренебрегавшемъ угождать современнымъ кумирамъ, чтобы не стать въ разладъ съ самимъ собою. Но какъ поступили въ критическую минуту современники его? Тѣ, которые сплетали наканунѣ ему вѣнки, отреклись на другой день отъ всякаго съ нимъ сообщенія. А онъ, съ твердостью Сократа, принялъ и поднесъ къ устамъ своимъ поданную ему чашу страданія; и, видя въ роковую минуту его спокойствіе, его благородную осанку, слыша рѣчь его, я увѣренъ, что, если бъ предложили ему принесть себя на жертву для блага отечества, онъ съ радостью пошелъ бы

---

[1]) Т. е. Занимаясь личностями, пренебрегали дѣлами.

[2]) Т. е. императора Александра

на такой великій подвигъ. Не огромно у насъ число мыслящихъ людей, которые догадались бы, что человѣкъ не можетъ устоять на своемъ постѣ, когда его понятія, правила и твердость духа были большимъ препятствіемъ исполненію предположеннаго другими плана, не соотвѣтствовавшаго его воззрѣніямъ. Еще менѣе насчитаемъ мы такихъ людей, которые поняли бы, какъ иной человѣкъ можетъ сдѣлаться лишнею жертвою, чтобы скрыть имена двигателей факта, самый зародышъ проекта, и тѣмъ болѣе запутать и затмить весь фактъ. Тогда весь Петербургъ предался разнымъ толкамъ, преувеличеннымъ разсказамъ, произвольнымъ догадкамъ, и все было пустое, ибо отправленіе Сперанскаго не было слѣдствіемъ гнѣва, хотя казалось таковымъ, или какого-либо преступленія, а было только временное удаленіе [1]), немного крутое, это правда, но нужное для толпы, ненавидѣвшей, безъ причины, Сперанскаго. А корень ненависти состоялъ въ быстромъ его возвышеніи и въ упрекѣ, будто учрежденіемъ министерствъ онъ хотѣлъ подкопаться подъ самодержавіе, правленіе единственно свойственное обширному государству. Иногда, кажется, невидимою рукою перепутаны житейскія наши случайности до того, что мы задаемъ себѣ вопросъ: не тамъ ли, въ странахъ выспреннихъ, составленъ огромный планъ этой трагикомедіи, которая, какъ мы видимъ, разыгрывается на землѣ плохими актерами, не понимающими ни сюжета, ни цѣли, а еще менѣе развязки мудро обдуманной пьесы, имѣющей однако сильное вліяніе на цѣлыя столѣтія.

«Теперь появляются люди новаго вѣка, готовые разбирать фактъ, герметически закупоренный, и хотятъ приподнять таинственную завѣсу, покрывавшую минувшее. Но мы не живемъ болѣе въ миѳологическія времена, не обращаемъ нашихъ героевъ въ полу-боговъ, или даже выше. Мы безъ лести и высокопарныхъ словъ разсматриваемъ человѣка, съ его доблестями и недостатками, отдаемъ должную справедливость его помышленіямъ и поступкамъ. Нынѣ требуемъ мы—исторіи. А ей нужно почерпать свѣдѣнія изъ вѣрныхъ источниковъ, болѣе или менѣе исходящихъ изъ самаго факта; нужно полное знакомство со всѣми подробностями, предшествовавшими происшествію, и даже, по изреченію Паскаля, il faut croire aux histoires, dont les témoins ont été égorgés [2]), физически или морально, все равно! Сверхъ того не должно основываться на по-

---

[1]) На другой день послѣ отправленія Сперанскаго, угромъ, при докладѣ государю о томъ, что происходило въ комнатахъ Сперанскаго, государь, крайне растроганный этимъ отправленіемъ, сказалъ: „Мы возвратимъ его; дай Богъ только благополучно кончить эту неизбѣжную войну".

(Примѣчаніе де-Сальдена).

[2]) Т. е. надо вѣрить происшествіямъ, свидѣтели которыхъ обречены на молчаніе.

казаніяхъ людей, получившихъ свѣдѣнія тоже по наслышкѣ, или запмствованныхъ изъ записокъ современниковъ, бывшихъ за кулисами, а не на сценѣ, или изъ замѣтокъ двигателей факта, желавшихъ отвлечь отъ себя подозрѣніе, или изъ выкраденныхъ изъ кабинетовъ записокъ, писанныхъ наскоро, про себя, для памяти. Какіе все жалкіе источники для святой истины! Мы слишкомъ близки къ тѣмъ временамъ—рано! Нужно въ добавокъ опираться на людей, которые не могли имѣть въ виду, низвергнувъ человѣка мощнаго, поступить на его мѣсто, или воспользоваться его вліяніемъ на дѣла государственныя и не имѣвшихъ ни его обширныхъ свѣдѣній, ни дарованій, ни нравственнаго значенія.

«Какая странность! Въ дѣлахъ военныхъ выигрышъ или потеря сраженія падаетъ на главнаго начальника, конечно, не безъ участія офицеровъ и солдатъ; но ему принадлежитъ честь и слава, или обвиненіе. Въ дѣлахъ по статской службѣ удача или неудача рѣдко падаетъ на главнаго начальника, а сплошь на товарищей, производителей дѣла, на секретаря. Въ дѣлѣ противъ Сперанскаго, двигателей было пять лицъ, стоявшихъ на высшихъ степеняхъ государственной службы: графъ Марковъ, графъ Растопчинъ, графъ Армфельдъ, Балашовъ и chevalier de Vernègues, тайный посланникъ короля Людовика XVIII. У нихъ было три ассистента: графъ Н. А. Толстой, графъ Гурьевъ, князь П. М. Волконскій,—тоже въ немаловажныхъ чинахъ. А секретарь [1]) былъ одинъ, даже безъ переписчика. Въ его рукахъ были всѣхъ пятерыхъ письма, доносы, проекты и отзывы, по которымъ никакого формальнаго изслѣдованія не было, а все состояло въ докладахъ, по большей части изустныхъ, высшему лицу [2]), рѣшеніе же основывалось на большей или меньшей довѣренности къ пятерымъ лицамъ и ихъ ассистентамъ. Всѣ переселились нынѣ въ другой міръ, а дѣла ихъ перенесены безъ апелляціи въ верховный судъ за гробомъ. De mortuis et absentibus nihil nisi bene, все пало на секретаря, и обвиненіе поддержано даже высшими двигателями дѣла. Публика легко вѣритъ всѣмъ слухамъ; въ семъ случаѣ тѣмъ болѣе, когда всѣ знали о свободномъ доступѣ секретаря къ высшему лицу. Большая часть людей понять не можетъ, какъ человѣкъ бѣдный, стоящій на среднихъ степеняхъ службы, могъ быть выше низости, подлости, интригъ и пошлыхъ поступковъ. Полагаютъ, что благородство живетъ только въ сердцахъ вельможъ, людей богатыхъ, стоящихъ на высшихъ степеняхъ. А секретарь остался живъ и молчитъ, ergo виноватъ! Но онъ молчитъ, и молчать не перестанетъ; онъ предпочитаетъ слѣдовать примѣру покойнаго графа Аракчеева, опредѣлившаго черезъ девяносто лѣтъ награду тому, кто напишетъ лучшую исторію цар-

---

[1]) Т. е самъ де-Сангленъ.

[2]) Т. е императору Александру.

ствованія императора Александра I. Мѣра благоразумная! Тогда страсти притихнутъ, зависть, предразсудки, ненависть, клевета угаснутъ. Правда, высказанная во-время, не будетъ колоть глаза наслѣдникамъ, и проявится на бѣлый свѣтъ. Въ вѣчномъ кругообращеніи природы все гаснетъ, но ничто не погибаетъ, а правда и идеи никогда съ корнемъ вырваны быть не могутъ изъ нѣдръ нравственнаго міра. Таковъ законъ судебъ. Но довольно. Sapienti sat.

«Эта статья назначалась для печати въ какомъ-либо журналѣ; но я предпочелъ отправить оную къ вамъ съ слѣдующимъ результатомъ всего происшествія.

«Тильзитскій миръ тяготѣлъ надъ Россіею, и въ умѣ царя родилась мысль свергнуть бремя, наложенное на коммерческія наши дѣла; но война противъ сильнаго, искуснаго и счастливаго врага требовала большихъ издержекъ и жертвъ. Нужно было обратить эту войну въ національную. Для достиженія сей цѣли должно было еще сильнѣе пробудить во всѣхъ сословіяхъ духъ патріотическій и найти благовидную причину, или предлогъ. Сперанскій былъ тогда предметомъ ненависти почти всѣхъ; а въ народѣ, или толпѣ слылъ онъ даже измѣнникомъ. Теперь обратились всѣ сословія противъ него, иные думали быть убѣжденными въ его виновности, другіе изъ малодушія соглашались съ общимъ мнѣніемъ, просто! Пошли доносы, клеветы; утверждали, будто Сперанскій состоялъ регентомъ въ ложѣ иллюминатовъ Вейсгаупта и былъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Наполеономъ I-мъ на гибель Россіи. Главный распространитель этихъ слуховъ былъ государевъ флигель-адъютантъ князь Андрей Борисовичъ Голицынъ, подтверждавшій это и на письмѣ [1]). Толпа всему вѣритъ и принимала всякій вздоръ за истину, волновалась, кричала; словомъ, ненависть къ Сперанскому возрастала до такой степени, что удаленіе его становилось необходимостію для спасенія его жизни, какъ это отозвалось въ Нижнемъ-Новѣгородѣ, откуда правительство вынуждено нашлось отправить его въ Вятку [2]). Ко всѣмъ симъ интригамъ, клеветамъ присоединилась и партія легитимистовъ, желавшихъ ниспровергнуть Наполеона I-го и воцарить во Франціи—Бурбоновъ; сверхъ сего явилось и огромное предпріятіе поднять противъ Наполеона всю Европу, обиженную и имъ разоренную. Такимъ образомъ къ желанію возбудить патріотизмъ приступила политика. Она не щадитъ людей, а щадитъ идеи, не увлекается чувствительностью, а имѣетъ въ виду одни интересы; не убиваетъ человѣка, а удаляетъ его только со сцены, какъ препятствіе. Сперанскій былъ противъ всеобщаго этого кровопролитія и особливо противъ отступленія войскъ до самаго сердца

[1]) Ср. „Русскую Старину“ 1898 года, т. 96, стр 517—538.

[2]) Здѣсь память измѣнила де-Санглену Сперанскій былъ высланъ въ Нижній-Новгородъ, а потомъ въ Пермь.

имперіи, ибо видѣлъ въ этой ретирадѣ разореніе государства, какъ это видно отчасти изъ моего сценическаго разсказа [1]). Кажется, все это надоѣло, и внезапно рѣшено было отправленіе Сперанскаго, которое принято публикою за ссылку. Но, чтобъ запутать этотъ гордіевъ узелъ крѣпче, въ тотъ же вечеръ, когда отправленъ Сперанскій, отправлены были Магницкій и Болховской, по разнымъ трактамъ; за ними уже отправлены были Воейковъ и де-Сангленъ въ армію; какъ будто всѣ были Сперанскаго или участниками или обличителями, какъ кому растолковать угодно было. Всѣ пали жертвою, уцѣлѣли двигатели и доносители факта. Кто правъ, кто виноватъ? — разрѣшитъ неподкупное и нелицемѣрное потомство.

«Итакъ все началось, развилось и созрѣло въ затаенной глубокой мысли о д н о г о [2]), а разыгралось, передъ лицомъ е г о, актерами, желавшими утолить свою ненависть, угождать, и не смекнувшими, въ чемъ дѣло состояло. Съ другой стороны, нельзя не согласиться, чтобы эта, въ корнѣ своемъ, мелочная исторія безумной ненависти не произвела обильныхъ плодовъ. Россія, съ пожертвованіями своими, даже древней столицей. стала на принадлежащую ей высокую степень между европейскими державами, удивленными ея рѣшимостію и патріотизмомъ, коимъ въ новѣйшія времена примѣра нѣтъ. Неизбѣжное, во время дальнихъ походовъ, знакомство съ законами и обрядами чуждыхъ народовъ открыло новый путь не къ одному частному, а къ всенародному просвѣщенію. Зло, по таинственному процессу Промысла, обращается иногда въ добро. Сперанскій возвышенъ, награжденъ титломъ графа, не по уваженію къ происхожденію, а по достоинству; и днесь—уничтожается рабство! Дай Богъ продолжать намъ жизненный путь нашъ подъ покровомъ святой вѣры, справедливости и чести! Яковъ Ивановъ де-Сангленъ».

---

3. Впечатлѣніе, произведенное въ Россіи и за границею ссылкою Сперанскаго.

Если Сперанскаго, во время милости къ нему, ненавидѣли и подозрѣвали, то, послѣ паденія, уже нисколько не усомнились признать его за совершеннаго измѣнника. Вѣсть о его высылкѣ разнеслась чрезвычайно скоро и, разумѣется, въ преувеличенномъ видѣ, касательно ея

---

[1]) Такъ называетъ де-Сангленъ свой сообщенный въ 1847 году барону Корфу разсказъ, въ виду того, что ему во многихъ мѣстахъ придана драматическая форма изложенія.

[2]) Т. е. императора Александра.

причинъ, въ ложныхъ краскахъ, съ тѣми прибавками, на которыя всегда такъ щедра народная молва. Масса не могла ни понять, ни повѣрить, чтобы монархъ пожертвовалъ своимъ любимцемъ только для нея, съ попраніемъ личныхъ своихъ чувствъ. Не пріученная къ такому торжеству надъ самодержавною волею, она доискивалась особыхъ, сокровенныхъ причинъ тамъ, гдѣ, кромѣ лицемѣрія Александра, все было очень просто и естественно. Эта наклонность массъ къ таинственному, эта хвастливая страсть тѣхъ, которые выдаютъ себя за прозорливыхъ и всевѣдущихъ, смотрѣть и видѣть далѣе толпы, основала въ то время такое прочное зданіе, что и долго послѣ многіе были вполнѣ убѣждены, (даже, можетъ быть, убѣждены и теперь) въ измѣнѣ и предательствѣ Сперанскаго.

Во всякомъ случаѣ любопытно прослѣдить первыя впечатлѣнія этого событія и ту форму, въ которой они проявились. У падшаго временщика было много враговъ, и враги сильные, и мало друзей, и друзья слабые. Торжествующій голосъ первыхъ, не скупившійся ни на какую клевету, готовый на всякій вымыселъ, звучалъ повсюду, встрѣчая воспріимчивый откликъ въ общей непріязни къ низвергнутому. Голосъ послѣднихъ, если и удавалось ему куда-нибудь проникнуть, не находилъ ни вѣры, ни сочувствія. Вотъ нѣсколько отрывочныхъ подробностей, собранныхъ изъ достовѣрныхъ современныхъ свидѣтельствъ.

Письмо Масальскаго къ бывшему своему покровителю, передъ которымъ судьба вдругъ такъ насмѣшливо измѣнила его роль, письмо это, отправленное, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ, намъ извѣстно [1]). Мы знаемъ также мнимое письмо Растопчина и напечатанную у насъ вполнѣ записку барона Г. А. Розенкампфа [2]). Другіе [3]) разсказывали, будто бы Сперанскій, въ предусмотрѣніи вторженія французовъ въ Россію, подалъ планъ о мѣрахъ, которыя надлежало бы принять на такой случай; что этотъ планъ былъ сообщенъ государемъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, и что она, доказавъ очевидное направленіе его къ пагубѣ Россіи, изобразила при томъ сочинителя въ самыхъ черныхъ краскахъ.

---

[1]) См. „Дружескія письма М. М. Сперанскаго къ П. Г. Масальскому", Спб. 1862, стр. 12—21.

[2]) См. „Жизнь графа Сперанскаго", т. II, стр. 31—40.—По увѣренію старика Х. А. Бека, достовѣрнаго хроникера своей эпохи, Розенкампфъ, спустя три дня послѣ удаленія Сперанскаго изъ Петербурга, представилъ свою жену ко двору, и потомъ, при пѣшеходныхъ прогулкахъ Александра по городу, старался безпрестанно попадаться ему на глаза вмѣстѣ съ новопредставленною. „Mais qu'est-ce donc?"—наконецъ съ удивленіемъ сталъ говорить государь приближеннымъ.—„Qu'est-ce que Rosenkampf va s'imaginer?" (т. е. Но что это такое? Что это Розенкампфъ воображаетъ?).

[3]) К. М. Бороздинъ.

Въ домъ къ графу Павлу Александровичу Строганову [1]) первую вѣсть о случившемся принесъ А. С. Шишковъ, въ присутствіи подчиненныхъ Сперанскаго: А. Н. Оленина и А. И. Тургенева.

— Польстился же на какую бездѣлицу,—сказалъ Шишковъ, выдавая за достовѣрную истину, что Сперанскій былъ подкупленъ Наполеономъ предать ему Россію, подъ обѣщаніемъ учредить для него, Сперанскаго, отдѣльное царство Польское!!

Олениинъ и Тургеневъ тотчасъ тому повѣрили. «И откуда бы—замѣтилъ первый—у этого поповича-выскочки взялись такое лукавство и мастерство, что онъ умѣлъ такъ хитро и долго обманывать нашего проницательнаго государя!» Тургеневъ сталъ объяснять это тѣмъ, что и у архіереевъ есть своего рода дворъ въ маленькомъ видѣ. Всѣ трое единодушно отзывались объ упадшемъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, представляя его и безнравственнымъ человѣкомъ, и государственнымъ злодѣемъ. Олениинъ прибавилъ, что Сперанскій нерѣдко въ самой канцеляріи, передъ всѣми, гласно порицая государя, называлъ его «ребенкомъ, котораго необходимо водить на помочахъ».

Было еще другое сказаніе [2]). По возвращеніи А. И. Чернышева изъ извѣстной парижской его посылки, государь, отдавъ его донесенія Сперанскому, сказалъ, что никто другой о нихъ знать не долженъ. Это не помѣшало, однако, Сперанскому передать ихъ содержаніе Магницкому, а послѣдній, встрѣтясь, гдѣ-то, вскорѣ послѣ того, съ французскимъ консуломъ Лессепсомъ, давнишнимъ своимъ знакомцемъ, сказалъ ему: «Мы, кажется, скоро будемъ съ вами непріятелями». Лессепсъ тотчасъ донесъ о слышанномъ имъ французскому послу, а этотъ—Наполеону, и возникшая отсюда переписка и была причиною гнѣва Александра, вмѣнившаго неосторожную довѣрчивость Сперанскаго въ измѣну отечеству.

Спустя нѣсколько дней послѣ событія, Петръ Сергѣевичъ Кайсаровъ [3]) вмѣстѣ съ барономъ Розенкампфомъ обѣдалъ у О. П. Козодавлева, который еще недѣлю передъ тѣмъ выдавалъ себя за друга Сперанскаго и показывалъ ему истинную, повидимому, пріязнь.

— Ну что,—спросилъ онъ съ усмѣшкою у Кайсарова — увезли вашего друга? Впрочемъ, не совѣтую вамъ теперь ни передъ кѣмъ хвастаться этою дружбою. Лучше совсѣмъ о б ъ н е м ъ не говорить. Обстоятельства перемѣнились.

Розенкампфъ съ своей стороны тутъ промолчалъ; но потомъ въ

---

[1]) Разсказъ Алексѣя Алексѣевича Логгинова, находившагося при этомъ разговорѣ.

[2]) Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ.

[3]) Разсказъ П. С. Кайсарова

своихъ мемуарахъ, не упоминая ни о своемъ участіи въ этомъ дѣлѣ, ни о другихъ своихъ сподвижникахъ, и вообще задѣвая этотъ случай, столь важный въ собственныхъ его судьбахъ, какъ бы лишь мимоходомъ, писалъ только. «Le moment arriva où l'empereur ne pût plus douter de la guerre avec la France. Il ne manquait pas d'hommes qui voulurent lui persuader le contraire. Il y en avait même qui crurent qu'on ne pouvait pas résister, qu'il fallait s'arranger de manière ou d'autre et qui pensèrent à des organisations préparatoires au cas que les Français occuperaient la capitale et les points centraux du gouvernement. L'empereur saisit une partie de cette idée; mais le penchant, que ces projets manifestaient pour tout ce qui pouvait rapprocher le gouvernement russe du français, ouvrit ses yeux sur le danger de laisser dans une époque aussi critique les rènes entre les mains d'un homme qui était le plus grand admirateur et prôneur de la France impériale et qui, d'ailleurs, avait épuisé sa patience par ses projets continuels de réformes et de réorganisations. L'empereur connaissait aussi trop bien le coeur humain pour ne pas savoir jusqu'où aurait pu s'égarer l'ambition d'un parvenu qui alors avait pris le masque du mysticisme et qui, dans ses conceptions législatives, ne trouvait jamais de point fixe où il aurait voulu s'arrêter. De sa prédilection pour les innovations il n'y avait peut être qu'un pas à faire pour compromettre l'autocratie du souverain russe. Toute sa carrière n'a été qu'une chaine d'innovations irréfléchies ou préméditées. C'est ainsi qu'il fit toute sa fortune, d'abord en flattant l'amour propre de ses chefs par des projets de changements qu'il leur fit adopter et auxquels chaque ministre russe est plus ou moins susceptible, et ensuite en grimpant par les mêmes moyens vis-à-vis du souverain jusqu'au poste éminent de secrétaire de l'empire, qui alors, dans le fait, équivalait à celui de premier ministre» [1]).

---

[1]) Т. е. Наступило время, когда государю нельзя уже было болѣе сомнѣваться въ неизбѣжности войны съ Франціею. Были, однако, нѣкоторыя лица, которыя желали убѣдить его въ противномъ. Нашлись даже и такія, которыя полагали, что нельзя будетъ противостоять непріятелю, что поэтому надо такъ или иначе войти въ соглашеніе съ Франціею, и занимались выработкою мѣропріятій на случай, если бы французы заняли столицу и главные пункты государства. Государь воспользовался нѣкоторыми изъ этихъ идей. Но во всѣхъ этихъ проектахъ ясно проглядывало стремленіе къ возможному сближенію русскаго правительства съ правительствомъ французскимъ, и государь понялъ тогда, насколько опасно было бы оставить въ столь критическую эпоху руководительство государственными дѣлами въ рукахъ человѣка, который былъ ярымъ поклонникомъ императорской Франціи и къ тому же своими постоянными проектами реформъ и преобразованій истощилъ терпѣніе монарха. Для государя, хорошо знавшаго человѣческую душу, было

Въ Москву вѣсть обо всемъ этомъ пришла, естественно, въ еще болѣе преувеличенномъ видѣ. Едва ли не прежде всѣхъ получилъ ее тамъ Карамзинъ. Пріѣхавъ къ Ивану Владиміровичу Лопухину [1]), онъ разсказывалъ, что Сперанскаго повезли, въ цѣпяхъ, въ Березовъ, подъ прикрытіемъ драгунскаго конвоя, и, разсуждавъ долго объ этомъ происшествіи, кончилъ свою рѣчь словами: «je pense que cela doit finir par l'échafaud» [2]).

Достовѣрно одно: когда разнеслась вѣсть о паденіи Сперанскаго, она была встрѣчена общею почти радостію, даже ликованіями. Явленіе это легко объяснить. Народъ инстинктивно не расположенъ къ людямъ новымъ, особенно когда они суть вмѣстѣ и нововводители, а здѣсь было еще столько могущественныхъ завистниковъ и враговъ, которые находили свою выгоду возбуждать народныя страсти. Сперанскій обратился въ какую-то собирательную личность, на которую слагалось все дурное, тяжкое, всѣ неудачи и ошибки послѣднихъ лѣтъ. Сверхъ того, въ это именно время наступила эпоха всеобщаго броженія умовъ, общаго патріотическаго фанатизма. Гордость націи была оскорблена раболѣпнымъ покорствомъ Наполеону. Народный голосъ требовалъ мести, войны, освобожденія отъ позорнаго ига, и низверженіе Сперанскаго представлялось какъ бы первымъ рѣшительнымъ къ тому шагомъ. Такимъ образомъ деспотическій актъ принялъ, въ то время, видъ дѣйствія самаго популярнаго, удовлетворявшаго желанію огромнаго большинства.

Но убѣжденіе большинства не могло, однако, сдѣлаться убѣжденіемъ общимъ. Были люди, и не между одними клевретами Сперанскаго, которые понимали и цѣну его, и невозможность замѣнить падшій колоссъ современными ему пигмеями.

ясно, до чего могло бы дойти честолюбіе выскочки, который прикрывался въ то время мистицизмомъ и въ своихъ законодательныхъ проектахъ никогда не зналъ границъ. Пристрастіе Сперанскаго къ нововведеніямъ заставляло даже опасаться за возможность попытки съ его стороны къ ограниченію самодержавной власти русскаго государя. Вся государственная дѣятельность Сперанскаго представляетъ лишь рядъ необдуманныхъ или предумышленныхъ нововведеній. Этимъ путемъ онъ и сдѣлалъ карьеру. Сначала онъ игралъ на самолюбіи своихъ начальниковъ, усвоивая имъ свои проекты преобразованій, къ которымъ государственные дѣятели въ Россіи всѣ болѣе или менѣе склонны Держась тѣхъ же пріемовъ и въ отношеніи государя, Сперанскій достигъ наконецъ высокаго поста государственнаго секретаря, который, на самомъ дѣлѣ, соотвѣтствовалъ въ то время должности перваго министра

[1]) А. И. Ковальковъ (побочный сынъ Лопухина), находившійся при этомъ разговорѣ.

[2]) Т. е. Полагаю, что это должно кончиться эшафотомъ.

Отъ Россіи обратимся теперь къ остальной Европѣ.

Роль Сперанскаго въ нашей администраціи и въ милости Александра была слишкомъ многозначительна, чтобы не привлекать на него вниманія и Запада, особенно въ наступавшую тогда рѣшительную для Европы эпоху.

Что̀ писали о паденіи его дипломатическіе агенты своимъ дворамъ, это хранится еще въ архивахъ [1]) и едва ли бы въ чемъ-либо разъяснило нашъ вопросъ. Журналы заграничные, бывъ единственно отголоскомъ тѣхъ вѣстей, которыя разнеслись въ то время по Россіи, еще менѣе заслуживаютъ здѣсь вѣры и вниманія, какъ то видно и по образчикамъ, напечатаннымъ въ «Жизни графа Сперанскаго» (т. II, стр. 26 и 27, въ выноскѣ).

Въ дополненіе къ нимъ приведемъ еще, въ русскомъ переводѣ, выписку изъ вѣстей объ этомъ событіи Мадритской газеты, отъ 27 августа н. ст. 1812 года, присланную нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Испаніи Валленштейномъ канцлеру графу Н. П. Румянцову:

«Замышленный Бонапартомъ заговоръ противъ императорскаго дома, къ счастію, открытъ по волѣ Провидѣнія, въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ сохранившаго Россію отъ грозившихъ ей бѣдъ и напастей, и составляетъ въ настоящее время главный предметъ разговоровъ.

«Къ дѣлу оказался причастнымъ государственный секретарь Сперанскій, достигшій этого важнаго поста исключительно благодаря особому къ нему благоволенію императора Александра. Съ нѣкотораго времени стали подозрѣвать, что у Наполеона имѣются въ Петербургѣ шпіоны и тайные агенты, которые и сообщали ему государственныя тайны русскаго правительства. Это подозрѣніе подкрѣплялось въ особенности тѣмъ обстоятельствомъ, что курьеры изъ Петербурга во Францію отправля-

---

Балашова".—Припомнимъ слѣдующія строки изъ письма Аракчеева къ его брату Петру Андреевичу, отъ 3-го апрѣля 1812 года: „Теперь приступаю вамъ къ описанію, что, я думаю, извѣстно вамъ уже, выѣздъ изъ С.-Петерга госп(одина) Сперанскаго и госп(одина) Магнитскаго. На ихъ счетъ много здѣсь говорятъ нехорошаго; слѣдовательно, если это такъ, то онѣ и заслужили сами свою нынѣшнюю участь; но вмѣсто оныхъ теперь партія знатныхъ нашихъ господъ сдѣлалась уже чрезмѣрно сильна, состоящая изъ графовъ Салтыковыхъ, Гурьевыхъ, Толстыхъ и Голицыныхъ. Слѣдовательно, я, не бывъ съ первыми въ связи, былъ оставленъ безъ дѣла; а сими новыми патріотами равномѣрно не любимъ, также буду безъ дѣла и безъ довѣренности" („Русская Старина", 1874 года, т. X, стр 191; Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1874 годъ, стр. 107—108).

[1]) Депеши французскаго посла Лористона и датскаго посланника Блума, въ которыхъ идетъ рѣчь о высылкѣ Сперанскаго, напечатаны въ послѣднее время въ „Русскомъ Архивѣ" 1882 года, книга первая, стр. 169—176.

Военный министръ Барклай [1]), человѣкъ въ высшей степени правдивый и у котораго каждое слово было истиннымъ выраженіемъ его мысли, Барклай, когда ему принесли извѣстіе объ удаленіи Сперанскаго, вскричалъ: «Итакъ зависти и злобѣ удалось таки взять верхъ надъ правдою!». Этого мнѣнія былъ не онъ одинъ. Открытые приверженцы Сперанскаго говорили еще сильнѣе. Фесслеръ, въ то время начальникъ основаннаго Злобинымъ въ Вольскѣ учебнаго заведенія, въ мемуарахъ своихъ, приготовленныхъ къ печати (но не напечатанныхъ), уже послѣ смерти Сперанскаго, писалъ: «Вскорѣ пришла къ намъ ужасная вѣсть о томъ, что почтенный и добродѣтельный мужъ, истинный христіанинъ, неизмѣнно-вѣрный патріотъ, неутомимый государственный дѣятель, знаменитый Сперанскій палъ подъ злоухищреніями и ударами своихъ враговъ, и, бывъ внезапно схваченъ, безъ допроса отвезенъ въ Нижній. Его судьбы напомнили мнѣ слова Сенеки: «Ecce spectaculum dignum, ad quod respiciat intentus operi suo Deus!» [2]).

Наконецъ, и въ другомъ даже кругу, въ томъ, гдѣ преобладающимъ чувствомъ была радость о совершившемся, она не оставалась совершенно неомраченною. Въ умахъ предусмотрительныхъ этотъ актъ, первый въ своемъ родѣ при Александрѣ, актъ, живо опять напомнившій ужасы прошлаго царствованія, не могъ не произвести глубокаго потрясенія. Каждый со страхомъ подумалъ о будущемъ, грозящемъ, можетъ статься, и ему. Сами виновники нѣкоторымъ образомъ испугались своей удачи!..

Но что же думалъ, что дѣлалъ въ это время Аракчеевъ, для котораго, съ паденіемъ докучливаго соперника, восходила новая звѣзда, еще подернутая туманомъ неизвѣстности, еще неясно обрисовывавшаяся въ будущемъ ея объемѣ, но уже легко прозрѣваемая сквозь лучи милости Александра? Преданіе ничего не сохранило для насъ въ этомъ отношеніи. Осталось лишь одно то историческое письмо, гораздо позднѣйшей уже эпохи (24-го марта 1819 года), напечатанное и въ «Жизни графа Сперанскаго» (т. II, стр. 159), въ которомъ Аракчеевъ увѣрялъ Сперанскаго, что любилъ его и во время его несчастія, и «протестовалъ противу онаго, по крайнему своему разумѣнію, не только въ душѣ своей, но и всюду, гдѣ только голосъ его могъ быть слышенъ».

Правда ли это? Аракчеевъ былъ далеко не Барклай.... [3]).

---

[1]) Свидѣтельство И. Ѳ. Самбурскаго.

[2]) Т. е. Вотъ достойное удивленія зрѣлище, къ которому были направлены неисповѣдимые пути Промысла!

[3]) Де-Сангленъ въ своей запискѣ говоритъ: „Аракчеевъ усердно работалъ о возвращеніи Сперанскаго уже по одной ненависти и злобѣ противъ

лись все чаще, тогда какъ, наоборотъ, курьеровъ изъ Франціи въ Россію почти не прибывало.

«Побуждаемый подобными соображеніями, князь Багратіонъ, командовавшій арміею, стоявшею на границѣ, рѣшилъ задержать курьера, слѣдовавшаго въ Парижъ съ депешами на имя Бонапарта, которыя были за печатью императора Александра.

«Несмотря на все уваженіе къ тайнѣ, довѣренной пакету за императорскою печатью, князь рѣшился его вскрыть. Оказалось, что въ немъ заключались депеши, въ которыхъ были изложены историческій обзоръ и подробности плана, выработаннаго на случай предстоявшей войны съ Франціею, приводились точныя данныя о состояніи и численности русскихъ военныхъ силъ, а также подробныя свѣдѣнія о дислокаціи войскъ, военныхъ магазинахъ и складахъ и вообще о мѣропріятіяхъ нашего правительства на случай войны съ Франціею. Князь Багратіонъ немедленно распорядился отправкою въ Петербургъ особаго курьера съ перехваченными депешами и при этомъ всеподданнѣйше просилъ государя не вмѣнять ему, въ монаршемъ милосердіи, въ вину совершенное имъ самовольное вскрытіе пакета за императорскою печатью, тѣмъ болѣе что послѣдствія вполнѣ оправдали такую рѣшимость. Курьеръ получилъ отъ князя наказъ передать депеши лично въ руки императору. Исполненіе этого представило немало затрудненій. Только благодаря упрямой настойчивости посланца ему удалось преобороть противодѣйствіе лицъ, не хотѣвшихъ допускать его до государя, такъ какъ они, наконецъ, поняли, что князь Багратіонъ, по всему вѣроятію, пришлетъ, въ такомъ случаѣ, вслѣдъ за первымъ и второго курьера. Только черезъ три часа по прибытіи въ столицу посланный князя Багратіона могъ передать привезенныя имъ депеши лично государю. Изъ содержанія полученныхъ бумагъ императоръ убѣдился, что эти важнѣйшія государственныя тайны были переданы Бонапарту Сперанскимъ и его личнымъ секретаремъ Магницкимъ (Magnesy).

«Потребовавъ къ себѣ Сперанскаго, государь одновременно далъ приказаніе министру полиціи произвести обыскъ и опечатать бумаги обоихъ обвиняемыхъ и при этомъ повелѣлъ Магницкаго немедленно отправить въ Сибирь. Распоряженія императора тотчасъ были приведены въ исполненіе, и Сперанскій прибылъ во дворецъ въ полномъ невѣдѣніи всего совершившагося.

«Государь принялъ Сперанскаго какъ всегда, и въ разговорѣ упомянулъ, что онъ очень опечаленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что убѣдился въ измѣнѣ лица, которому онъ оказывалъ полное довѣріе. «Можетъ ли быть, чтобы нашелся человѣкъ, который рѣшился бы стать измѣнникомъ въ отношеніи вашего величества, столь добраго и великодушнаго монарха?» возразилъ государственный секретарь.—«Такъ знайте же—

отвѣчалъ императоръ,—что другъ, о которомъ идетъ рѣчь, это именно вы....».—Сперанскій началъ отрицать свою вину и оправдываться; говорилъ, что все это гнусная клевета, распущенная его врагами, которые не могутъ простить ему его быстрое возвышеніе; указывалъ, что среди другихъ министровъ не найдется никого, кто, по сравненію съ нимъ, служилъ бы императору съ такою преданностью и ревностью; наконецъ, выразилъ готовность немедленно сложить съ себя всѣ должности, чтобы заставить замолчать своихъ завистниковъ и несправедливыхъ обвинителей. Тогда государь, принявъ тонъ, приличествовавшій обстоятельствамъ, объявилъ Сперанскому, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не объ отставкѣ, а что Сперанскій долженъ дать объясненія по поводу взводимыхъ на него обвиненій, добытыхъ изъ вѣрныхъ источниковъ и основанныхъ къ тому же на подлинныхъ документахъ, и при этомъ государь передалъ Сперанскому перехваченныя депеши.

«Между тѣмъ доложили государю, что явился военный министръ и желалъ бы немедлено быть выслушаннымъ. Принятый государемъ, министръ доложилъ, что онъ обнаружилъ пропажу высочайше одобреннаго плана, выработаннаго на случай предстоявшей войны съ Франціею, и что одинъ изъ его адъютантовъ признался въ томъ, что планъ этотъ былъ довѣренъ имъ Сперанскому.

«Вернувшись въ кабинетъ, въ которомъ оставался Сперанскій, императоръ Александръ объявилъ ему, что его измѣна подтверждается только-что привезеннымъ военнымъ министромъ извѣстіемъ.

«Тогда государственный секретарь, видя, что дѣло его проиграно, прибѣгнулъ къ милосердію государя. Императоръ Александръ, желая въ послѣдній разъ оказать милость и снисхожденіе своему бывшему любимцу, предложилъ ему на выборъ: или судъ на основаніи добытыхъ противъ него уликъ, или же ссылку въ Сибирь.

«Сперанскій предпочелъ послѣднее, и императоръ повелѣлъ ему тотчасъ же ѣхать домой, гдѣ уже все готово къ немедленному отъѣзду опальнаго.

«Не смотря на столь ясно выраженную волю императора, Сперанскій вмѣсто того, чтобы прямо ѣхать домой, приказалъ своему кучеру заѣхать на квартиру Магницкаго (Magnesy); послѣдняго онъ, впрочемъ, не засталъ, такъ какъ его уже успѣли отправить въ Сибирь. Тогда Сперанскій поѣхалъ къ себѣ; у подъѣзда дома уже стоялъ наготовѣ экипажъ, въ которомъ бывшій государственный секретарь долженъ былъ отправиться въ ссылку. Между тѣмъ внимательное изученіе бумагъ, захваченныхъ у обвиняемыхъ, придало дѣлу совершенно иную окраску. Оказалось, что планы заговорщиковъ были самые ужасные. Было задумано захватить императора и великаго князя Константина живыми или мертвыми и, въ первомъ случаѣ, отвезти ихъ во Францію; захва-

тить далѣе всѣхъ членовъ царствующаго дома, а также главнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей и важнѣйшихъ чиновниковъ, несочувственно относившихся къ французамъ; низвергнуть существующее правительство и произвести повсемѣстное смятеніе и анархію. Въ случаѣ успѣха предпріятія, мятежники думали, для водворенія порядка, обратиться за помощью къ Бонапарту и такимъ путемъ предать ему въ руки Россію.

«Когда планы эти были обнаружены, тотчасъ послѣдовалъ приказъ о немедленномъ возвращеніи Сперанскаго обратно въ Петербургъ. По прибытіи онъ былъ заключенъ въ крѣпость въ ожиданіи производства слѣдствія и обнаруженія другихъ соучастниковъ.

«Между тѣмъ генералъ князь Багратіонъ приказалъ задержать двухъ шпіоновъ, которые давно были у него на примѣтѣ. При опросѣ послѣдніе показали, что не задолго до ихъ ареста прослѣдовалъ изъ Франціи курьеръ съ депешами первостепенной важности и что курьеръ этотъ, снабженный фальшивымъ паспортомъ, долженъ былъ окольными путями ѣхать въ Тангаровъ (Tangaroff) (Таганрогъ?).

«Генералъ распорядился отправить людей въ погоню за этимъ курьеромъ, и вскорѣ его удалось задержать. Курьеръ этотъ оказался родомъ полякъ, отлично владѣющимъ русскимъ языкомъ и состоящимъ на французской службѣ въ чинѣ полковника. Онъ везъ съ собою золотыхъ дукатовъ на громадную сумму, при чемъ на него возложено было порученіе возбудить мятежъ среди казаковъ и татарскихъ войскъ въ окрестностяхъ Тобольска; возстаніе должно было вспыхнуть тотчасъ послѣ того, какъ пришло бы извѣстіе о выступленіи русскихъ войскъ въ походъ и объ отъѣздѣ императора и великаго князя къ арміи.

«По слухамъ, Бонапартъ съ этою цѣлью уже ранѣе отправилъ 500 тысячъ золотыхъ дукатовъ.

«Вотъ планъ государственнаго переворота, который Бонапартъ замышлялъ произвести въ нашемъ отечествѣ. Въ общихъ чертахъ онъ очень напоминаетъ планъ, которому Бонапартъ слѣдовалъ четыре года тому назадъ съ цѣлью овладѣть Испаніею...»

Въ депешѣ, при которой находится эта статья, нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Испаніи, между прочимъ, писалъ (на французскомъ языкѣ) слѣдующее:

«Съ прискорбнымъ и смущеннымъ чувствомъ приходится мнѣ возвратиться къ той же газетѣ (Мадритской) касательно помѣщенной на ея столбцахъ статьи изъ С.-Петербурга, въ которой идетъ рѣчь о мнимомъ проектѣ Наполеона составить заговоръ противъ русскаго правительства. Не нахожу словъ выразить вашему сіятельству насколько мнѣ прискорбно ознакомить васъ подробно съ этимъ ужаснѣйшимъ заговоромъ, если онъ дѣйствительно существовалъ, въ противномъ же

случаѣ съ самою низкою клеветою. Только безграничная преданность заставляетъ меня исполнить этотъ тяжкій долгъ и представить вамъ во всѣхъ чертахъ это дѣло, которое—имѣло ли оно мѣсто въ дѣйствительности, или является ложнымъ вымысломъ—одинаково возбуждаетъ одно чувство омерзѣнія.

«Считаю не лишнимъ приложить при семъ дословный переводъ этой статьи, которая помѣщена также въ одной изъ кадикскихъ газетъ за прошлый іюнь мѣсяцъ. Содержаніе этой статьи было извѣстно барону Моренгейму [1]), но онъ не довелъ о ней до вашего свѣдѣнія, съ одной стороны, вѣроятно, отъ того, что не зналъ, съ кѣмъ послать свою корреспонденцію, съ другой, и, быть можетъ, главнымъ образомъ, потому, что ему было противно сообщать вамъ содержаніе статьи, въ которой повѣствуется о столь ужасномъ и вѣроломномъ проектѣ.

«Впрочемъ и я, съ своей стороны, рѣшилъ слѣдовать примѣру Моренгейма и хранить молчаніе о дѣлѣ, которое мнѣ представляется ложнымъ и лишеннымъ всякаго вѣроятія.

«Если вашему сіятельству угодно было бы сдѣлать какія-либо распоряженія по настоящему дѣлу, то я просилъ бы васъ преподать мнѣ указанія, какія мѣры надлежало бы мнѣ принять или для опроверженія этой басни, или для изображенія даннаго событія въ вѣрномъ и согласномъ съ дѣйствительностью освѣщеніи...».

Но нѣтъ ли какихъ-нибудь другихъ еще иностранныхъ источниковъ, по крайней мѣрѣ позднѣйшихъ, въ которыхъ была бы рѣчь о катастрофѣ нашего государственнаго секретаря?

Прежде всего замѣтимъ, что во всей огромной библіотекѣ, составившейся изъ словъ, изреченій, разсказовъ и пр. самаго Наполеона, истинныхъ или вымышленныхъ, имѣющихъ характеръ правдивости или очевидно подложныхъ, мы, при самомъ тщательномъ просмотрѣ, нигдѣ не встрѣтили ни одного упоминанія о томъ лицѣ, которому общая молва такъ безразсудно приписывала преступныя съ нимъ связи [2]). Налагая

[1]) Барону Павлу Осиповичу Моренгейму, бывшему ранѣе нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Испаніи.

[2]) Вообще мы ничего не знаемъ о Наполеонѣ въ отношеніи къ Сперанскому. Только членъ Государственнаго Совѣта Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ разсказывалъ намъ, что когда онъ въ 1812 году былъ взятъ въ плѣнъ (въ Смоленскѣ) и представленъ императору французовъ, то послѣдній спросилъ у него: „гдѣ теперь Сперанскій?“, на что Тучковъ отвѣчалъ (какъ дѣйствительно и было), что ничего положительнаго о томъ не знаетъ, слышавъ лишь, что онъ высланъ изъ Петербурга. (Примѣчаніе барона Корфа).—Въ дополнительныхъ матеріалахъ къ „Жизни графа Сперанскаго“ нашлась также выписка изъ депеши нашего посла въ Парижѣ князя Куракина къ графу Н. П. Румянцову, отъ 12-го апрѣля 1812 г., въ которой переданъ вопросъ Наполеона Куракину о причинахъ ссылки Сперанскаго (См. эту выписку у Н. К. Шильдера, „Императоръ Александръ I“, т. III, стр 50).

печать отверженія на множество людей, оправдывая другихъ отъ взведенныхъ на нихъ современниками нареканій, обнажая тайны многихъ историческихъ событій, указывая ихъ нити, самую сокровенную ихъ связь, Наполеонъ никогда не проронилъ ни одного слова не только о тайныхъ, но и вообще о какихъ бы то ни было сношеніяхъ своихъ съ Сперанскимъ, или Сперанскаго съ нимъ. При болтливости бывшаго императора французовъ, при той прямотѣ, съ которою, творя исторію словомъ, какъ прежде творилъ ее дѣломъ, онъ объяснялъ всѣ малѣйшія подробности и всѣ эпизоды своего царствованія, наконецъ, при хвастливой нескромности лицъ, слушавшихъ и передававшихъ его разсказы, не позволено ли думать, что клеветы и слухи о тайныхъ, будто бы, его связяхъ съ любимцемъ Александра совсѣмъ и не дошли до его свѣдѣнія. Во всякомъ, однако, случаѣ примѣчательно, что, знавъ Сперанскаго лично еще съ Эрфурта, безъ сомнѣнія, знавъ также о вліяніи его на всѣ дѣла и на Александра, наконецъ, имѣвъ, вѣроятно, свѣдѣніе и о томъ, что непріязненный для Франціи тарифъ 1810 года былъ его же твореніемъ, Наполеонъ ни въ одной изъ (напечатанныхъ) многочисленныхъ бесѣдъ своихъ о Россіи, о государственныхъ ея людяхъ, и именно даже объ этомъ тарифѣ, не произнесъ имени Сперанскаго, хотя часто и пространно говорилъ о множествѣ второстепенныхъ лицъ той эпохи.

Записокъ французскаго при нашемъ дворѣ посла Лористона не осталось, или по крайней мѣрѣ не напечатано. Записокъ другаго посла, Коленкура, также не существуетъ, а то, что издано, подъ названіемъ его Воспоминаній, Шарлоттою Соръ [1]), есть больше сборникъ мелкихъ анекдотовъ. Имени Сперанскаго въ этой книгѣ нигдѣ не упомянуто.

Послѣ Савари хотя и остались подробные мемуары [2]), но самого его смѣнилъ у насъ Коленкуръ въ декабрѣ 1807 года, когда Сперанскій еще не являлся на высшихъ ступеняхъ государственной дѣятельности.

Наконецъ, драгоцѣнныя для нашей исторіи послѣднихъ временъ Записки шведскаго посла графа Стединга [3]), или, лучше сказать, письма его къ своему королю, кончаются разрывомъ нашимъ съ Швеціею передъ финляндскою войною, слѣдственно также прежде Эрфурта. Вотъ, за этимъ, все, что мы находимъ въ иностранныхъ литературахъ о катастрофѣ Сперанскаго [4]):

---

[1]) Souvenirs du duc de Vicence, par Charlotte de Sor Paris 1837.

[2]) Mémoires du duc de Rovigo. Paris. 1829.

[3]) Mémoires de Stedingk.

[4]) Показаній Н. И. Тургенева, Шницлера и пр., какъ повторяющихъ только общеизвѣстное изъ другихъ источниковъ, мы здѣсь не приводимъ. Равно не говоримъ ничего и о статьѣ въ „Zeitgenossen“, какъ вылившейся изъ-подъ собственнаго пера Сперанскаго.

1) Мемуары, извлеченные, какъ уже упомянуто въ другомъ мѣстѣ (Дѣятели и участники въ катастрофѣ Сперанскаго) [1]) изъ воспоминаній дюка де Серра-Капріола [2]), говорятъ о Сперанскомъ въ двухъ мѣстахъ. Въ одномъ, описавъ переходъ въ наше подданство барона Армфельда, авторъ продолжаетъ [3]). «Статсъ-секретарь Сперанскій, человѣкъ просвѣщенный и стоявшій выше всякихъ мелочныхъ расчетовъ тщеславія, думалъ, что баронъ, какъ богатый помѣщикъ, пользующійся вліяніемъ въ новоприобрѣтенной области, можетъ быть полезенъ. Вслѣдствіе того Армфельдъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Финляндской коммиссіи, что открыло ему доступъ въ царскій кабинетъ и случай къ частой работѣ съ монархомъ».—Въ другомъ мѣстѣ, говоря о неугодномъ Александру поведеніи Кутузова въ турецкую кампанію, онъ пишетъ [4]): «Но не однимъ этимъ ограничились тогдашнія огорченія императора Александра. Въ массѣ вѣрныхъ подданныхъ нашлось и нѣсколько измѣнниковъ, часть которыхъ была заключена или удалена. Но, по тяжкой участи монарховъ, слишкомъ часто принужденныхъ не довѣрять своимъ приближеннымъ, при этомъ случаѣ успѣли внушить царю самыя несправедливыя подозрѣнія и противъ человѣка, достойнаго всей его довѣренности. Статсъ-секретарь Сперанскій, человѣкъ, равно отличный и знаніями, и характеромъ, и ревностью къ дѣлу, пользовался вполнѣ заслуженною милостію своего государя, которая породила зависть нѣсколькихъ честолюбивыхъ царедворцевъ. Зная Сперанскаго за почитателя талантовъ Наполеона, они съумѣли обратить это обстоятельство въ оружіе противъ него. Толстые, возбуждаемые кавалеромъ де-Вернегъ, однимъ изъ агентовъ Людовика XVIII-го, представили его Армфельду тайнымъ орудіемъ императора французовъ, опаснымъ для блага государства; одинъ изъ второстепенныхъ интригановъ, отчасти самому же Сперанскому обязанный своею карьерою, но искавшій еще болѣе возвыситься [5]), составилъ записку, исполненную самыхъ тяжкихъ обвиненій противъ государева любимца, и послѣдній—былъ удаленъ въ ссылку. Впослѣдствіи Александръ, убѣдясь въ своей ошибкѣ, раскаялся въ ней и великодушно ее исправилъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ впалъ въ опалу уже Армфельдъ, за необдуманное усердіе, которымъ онъ вовлекъ государя въ эту несправедливость».

2) Въ другой книгѣ, которой авторъ не назвался, но однакоже всѣмъ извѣстенъ—именно генералъ-адъютантъ баронъ Жомини,—разсказываются, отъ лица будто бы самого Наполеона, всѣ главныя фазы

[1]) „Русская Старина“ 1902 г., мартъ.

[2]) Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état. Paris. 1836.

[3]) Tome XI, pp. 283 et 284

[4]) Ibid , pp 367 et 368.

[5]) Это былъ баронъ Г. А. Розенкампфъ.

его жизни. Книга эта, достойная, по многимъ отношеніямъ, полнаго уваженія, но которой впрочемъ никакъ нельзя признать за автобіографію или исповѣдь самого Наполеона, не принимавшаго ни прямо, ни косвенно никакого личнаго участія въ ея составленіи, издана въ Парижѣ, въ 1827 году, подъ заглавіемъ: «Vie politique et militaire de Napoléon, racontée par lui même devant le tribunal de César». Вотъ, что авторъ ея влагаетъ въ уста императора французовъ насчетъ Сперанскаго [1]). «Около того же времени (въ началѣ 1812 года), одна изъ тѣхъ интригъ, которыя такъ часты на придворномъ поприщѣ, еще болѣе усилила недовѣрчивый характеръ императора Александра. Тайный совѣтникъ Сперанскій, человѣкъ съ большими достоинствами, находился въ перепискѣ, посредствомъ Локрѐ [2]), съ моимъ статсъ-секретаріатомъ касательно образованія Государственнаго Совѣта, который императору хотѣлось ввести и у себя. Враги Сперанскаго стали разглашать, что эта переписка служитъ только прикрытіемъ преступныхъ его сношеній со мною и моимъ министерствомъ. Тутъ, насколько можно вѣрить слухамъ, шла рѣчь о превращеніи всего государственнаго порядка, и если Сперанскому не приписывали прямого участія въ этихъ замыслахъ, то винили его, по крайней мѣрѣ, въ той слабости, съ которою онъ доставлялъ средства къ ихъ переносу. По словамъ другихъ, его обвиняли только въ способствованіи мнѣ къ упроченію моего преобладанія надъ его монархомъ. Какъ бы то ни было, Сперанскій былъ внезапно схваченъ и увезенъ въ Сибирь. Послѣ войны, Александръ, удостовѣрясь въ своей ошибкѣ, поспѣшилъ назначить его генералъ-губернаторомъ въ тотъ самый край, въ который онъ былъ сосланъ; но между тѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ питалъ противъ одного изъ достойнѣйшихъ своихъ подданныхъ, а также и противъ меня недовѣрчивость, которая была плодомъ одного лишь гнуснаго заговора и возымѣла, безъ сомнѣнія, большое вліяніе на его рѣшимость къ войнѣ». Надо, впрочемъ, замѣтить, что авторъ, какъ бы самъ колеблясь въ достовѣрности приписываемаго имъ Наполеону мнѣнія, прибавляетъ тутъ же въ особой выноскѣ [3]): «Автору надлежало здѣсь слѣдовать взгляду тѣхъ писателей, которые старались объяснить перемѣну расположенія императора Александра особыми причинами; но едва-ли есть надобность такъ далеко ихъ искать. Довольно было, для разрыва, присоединенія Ольденбургскаго герцогства и Вѣнскаго трактата: первое касалось семейной чести Александра, второй затрагивалъ самые живые интересы Россіи. Послѣ этихъ двухъ событій миръ былъ невозможенъ».

---

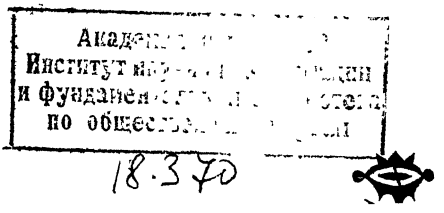
[1]) Tome IV, pp. 29 et 30.

[2]) Секретарь французскаго Государственнаго Совѣта.

[3]) Стр. 30 и 31, въ выноскѣ.

3) Домашній секретарь Наполеона, баронъ Менваль, представляя самое происшествіе, въ изданныхъ имъ Запискахъ [1]), почти въ томъ же самомъ видѣ, приписываетъ его вліянію англійскаго кабинета. «Англія—пишетъ онъ—въ то время совершенно овладѣла Александромъ. Для возбужденія его противъ Наполеона она не останавливалась употреблять интриги всякаго рода: даже вымышленные акты, подлоги въ бумагамъ и въ подписяхъ,—лондонскій кабинетъ не гнушался, для своей цѣли, никакимъ средствомъ. Въ концѣ 1811 года партія, которой главнымъ дѣятелемъ былъ баронъ Армфельдъ, уже давно состоявшій на жалованіи Англіи, вымыслила какой-то мнимый подкупъ, главою котораго былъ будто бы Наполеонъ, а первымъ орудіемъ статсъ-секретарь Сперанскій Послѣдній, по порученію своего монарха и по соглашенію съ французскимъ правительствомъ, дѣйствительно, велъ переписку съ первымъ секретаремъ французскаго Государственнаго Совѣта (Локрѐ); но эта переписка относилась до образованія разныхъ частей внутренняго управленія, а между тѣмъ клевета умѣла этимъ сношеніямъ, совершенно чуждымъ политикѣ, дать видъ и смыслъ заговора. Сперанскаго внезапно схватили и сослали безъ допроса».

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**



Академ...
Институт ...
и фундамен...
по общес...
18.370

1) Napol... baron Méne...
val, Paris. ...